

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнионъ"
состоится

КОНЦЕРТЪ

Анонсъ

состоится

только

Марин Ивановны Долиной

известной артистки,
всесоюзной звездывъзальновой биржи
въ этомъ домѣ вь страдѣГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (84).

Июнь. 2013 год.

Фото Олега Владимировского.

С новосельем!

Недавно я гулял по городу со своим кузеном, уехавшим во Францию много лет назад. На Преображенской он остановился как вкопанный. Нет, дескать, дальше не пойду, тут стоял другой памятник. Пришлось объяснять, что перемещение памятников в Одессе стало традицией. Лаокоон, которого он помнил, в сквер перевезли большевики, украсив с дачи Маразли, сейчас он у Археологического музея. Там для него место предпочтительнее, чем напротив управления милиции.

Да что памятники! Западный музей большевики создавали в бывшем дворце Михаила Толстого, за-

тем перевезли во дворец Абазы, к тому времени там была 4-я гимназия. Ничто не вечно под луной. И слава Богу, если особенно перемещения идут на пользу и городу, и горожанам.

Последний пример. Обрел новое место жительства (и, надеюсь, навсегда!) Музей современного искусства Одессы, частный музей, созданный меценатом Вадимом Мореховским, чтобы сохранить для города важнейший пласт его культуры.

Нам еще памятно, как чуть больше пяти лет назад, купив коллекцию у Михаила Кнобеля, сразу же начав расширять ее, Вадим Мореховский

принял беспрецедентное решение открыть приобретенную коллекцию всем любителям живописи и скульптуры. Он превратил ее в Музей современного искусства Одессы, где одесситы и гости города могли бы увидеть достижения одесской живописной школы второй половины XX века, акцентируя внимание на тех художниках, кого по идеологическим причинам третировали, изгоняли из выставочных залов, да что там залов — из страны.

Музей открылся в Сабанском переулке, в здании банка, где тогда работал В. Мореховский. Затем, уйдя из банка "Південний", нашел возможность снять для своего музея этаж в помещении на Французском бульваре. И там благодаря неутомимой энергии директора музея Семе-

на Кантора была создана музейная экспозиция-лабиринт, где нашлось место и для зала Олега Соколова, и для зала "заборной выставки", и для зала Юрия Коваленко... Там же началось усиленное собирание коллекции произведений одесских художников-концептуалистов. И это тоже была инициатива С. Кантора.

И вот новый адрес музея: Белинского, 5. Особняк, построенный в 1906 году знаменитым одесским архитектором Ю.М. Дмитренко для дворянина, русского офицера Семёна Николаевича Гижицкого. Удивительные круги истории — Гижицкий был прямым потомком Л.И. Куриса — жены крупнейшего коллекционера Ивана Куриса. Кто знает, какие сокровища могли храниться в этом особняке?

Октябрьский переворот отнял здание у Гижицких. Когда-то здесь обитал разведотдел ВМФ, после войны — болгарское консульство, затем — Союз писателей и Комитет защиты мира.

Писатели Одессы художников любили. Виктор Маринюк вспоминал, что жизнь в этом писательском особняке началась с посмертной выставки Люды Ястреб. И, как бы сохраняя традиции, открытие нового музейного помещения в Ночь музеев 18 мая 2013 года началось с выставки Люды Ястреб и Виктора Маринюка, создавшего первую экспозицию Люды — в этом особняке. И это только начало — Музей продолжает активную жизнь, не забывая о веке XX и всматриваясь в век XXI — будущее Одессы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Здравствуйте!

На сайте Вашего клуба опубликован очерк Александра Дорошенко "Напиши мне — попробуй!", в котором автор, в частности, упоминает открытку, адресованную из Одессы в Москву в августе 1911 года Зинаиде Алексеевне Лобович.

Дело в том, что начале XX века у моего прадеда была двоюродная сестра Зинаида Алексеевна Хлебникова (по мужу Лобович). Лобовичи проживали в Москве, на Житной улице, д. 25 (данные по справочнику "Вся Москва" на 1913 г.).

Я разыскиваю любую информацию, касающуюся моих предков. Поэтому меня заинтересовала эта открытка. В очерке ее фотографии вроде бы нет, во всяком случае, трудно разобрать почерки на открытках.

Большая просьба: нельзя ли уточнить у Александра Дорошенко, кто написал эту открытку? И, если это возможно, было бы совсем здорово увидеть текст целиком.

С уважением —

Елена.

11.03.13 Elena V. vgg5@bk.ru.

Уважаемая Елена!

Связался с Александром Дорошенко. Он рад будет помочь. В течение нескольких дней он найдет в своем архиве эту открытку, и я Вам ее переishу в нужном разрешении, чтобы было видно текст и адреса.

С ув. — Леонид Рукман,

директор Всемирного клуба одесситов.

Ленечка, привет!

Вчера у меня в клубе была творческая встреча с режиссером и продюсером первого и единственного в своем роде фильма, снятого в Ванкувере, "ЖИЗНЬ С АКЦЕНТОМ" — ЕВГЕНИЙ КОМАНЧОВСКИЙ. Этот фильм первый из нашей русскоязычной колыонии пробился на большую, изв. в Канаде ТВ-компанию "SHAW". У меня был двойной интерес. Первый — она одесситка!!! Второй — дочка Евгения, рожденная уже в Ванкувере, названа в честь нашего города. Ее имя — ОДЕССА, ей 9 лет. Так что у нас здесь тоже есть своя Одесса, и МАМА Одессы, и даже бабушка...

Кстати, ее дочка — Одесса — имеет членский билет № 1 Ванкуверского клуба одесситов.

Татьяна Стафеева, председатель Ванкуверского филиала Всемирного клуба одесситов. Tatjana.Stafeeva.vancouverclubodessa@gmail.com.

Здравствуйте, Леонид!

Спасибо Вам огромное за ответ и за хорошие слова в адрес моего фильма!

Проект коммерчески назвать трудно, т. к. все актеры и участники проекта были волонтеры и расходы на съемки покрывались своими деньгами (без поддержки спонсоров). Цель проекта — скорее, заявить о себе и рассказать истории о нашей жизни здесь, в иммиграции. В Интернет фильм не выкладывался пока, т. к. это было одним из условий трансляции на ТВ. Со временем я планирую выложить его целиком в Интернет...

В Одессу мы стараемся приезжать хотя бы раз в 2 — 3 года. Очень скучаем по родному городу. Кстати, этим летом я планирую приехать на июль — август. Конечно, привезу фильм и буду очень рада встрече с Вами! А если получится организовать встречу во Всемирном клубе одесситов — то это была бы огромная честь для меня!

Заранее огромное спасибо за Ваши помощь и поддержку!!!

Р. С. Одессу ласково мы называем Одессочка или Десса :) Она очень гордится своим именем и всегда гордо заявляет канадским сверстникам: "Это город такой в Украине! Нет, не в Техасе, а в Украине!" :)

Родилась она тоже почти в День города, с некоторым опозданием (11 сентября)...

С уважением —

Евгения Колинковская.

Genie.Kolinkovsky.k.genie@yahoo.ca.

Добрый день. Меня зовут Василенко Светлана Александровна. Мне 29 лет.

Живу в г. Одесса уже 12 лет. Больше всего люблю в городе МОРЕ)

Родилась в г. Вилково Одесской области.

Я — патриот, который стремится развивать, прославлять свою страну, город, родину)))

Светлана Василенко.

vasilenkosveta2010@mail.ru.

Ув. Леонид! Мы сейчас запускаем проект бесплатного детского клуба на Черемушках — для семей, которые не могут себе позволить занятия детей в платных.

Стартем с направлений физического развития и англ. языка. Далее добавятся еще несколько направлений (танцы, рисование, гитара, шахматы, вязание, искусство и т. п.)

Также будем проводить постоянно конференции, на которых ребята и девочки будут узнавать о постановке цели и т. п.

Хотел узнать, быть может, у Вас имеются знакомые семьи, которым будет полезен такой клуб и которые направят детишек к нам, так как мы хотим помочь максимальному количеству людей.

Или, быть может, Вы могли бы разместить информацию о нем на Вашем сайте, чтобы как можно больше людей знали, что есть такое место, и мы могли им помочь.

Игорь Попеску.

evgen.popescu@yandex.ua.

Спасибо, Леонид!

Всего самого хорошего!!!

Если есть что-то, что не займет много времени и в чем я могу быть Вам полезен — обращайтесь!

Всегда рад помочь Хорошим Людям!

Игорь Попеску.

evgen.popescu@yandex.ua.

17.03.13

Уважаемый г-н Рукман.

Во-первых, позвольте представиться.

Зовут меня Зеев Вудис, живу в Израиле с 1974 г. и, к сожалению, к Одессе отношения не имею.

Но у меня есть знакомая женщина, уроженка Кишинева, которой я решил помочь в следующем деле.

История этого дела состоит в том, что ее мать не то в конце 40 года, не то в начале 41-го вышла замуж за военного юриста, который был в частях Красной армии, присоединивших Молдавию к СССР. Звали его Генрих Осипович Тен, 1910 г. рождения, уроженец Одессы.

В архиве о награждениях участников войны имеется документ, подтверждающий, что он участвовал в обороне Севастополя и Одессы и был представлен в феврале 42 г. и в июне 42 г. награжден орденом Красной Звезды. В материалах о погибших, пропавших без вести и умерших от ран имеется документ, что Генрих Осипович Тен пропал без вести в июле 1942 года.

По всей видимости, он попал в плен, и можно себе представить его судьбу (еврей, офицер, политработник).

Мена Генриха Тена эвакуировалась в Среднюю Азию и после войны вторично вышла замуж.

От короткого первого брака у нее детей не было, а от второго родилась моя знакомая.

Мена Генриха Тена всю жизнь держала его письма с фронта и фотографии, а теперь продолжает беречь ее дочь.

Но это недолговечно, и по просьбе дочери я нашел музей в Израиле, который заинтересован в том, чтобы принять этот материал.

И тут возникла мысль: может, стоит поискать потайков семьи Тен в Одессе?

В Интернете я нашел, что в 4-м томе "Одесского мартиролога" имеются записки о том, что Людмила Генриховна Тен (1913 г. р.) и Ида Генриховна Тен (1929 г. р.) были репрессированы.

Видно, и Генрих Тен, и отец этих женщин были названы в память об общем родственнике.

Я обращаюсь к Вам с просьбой: может, можно найти членов этой одесской семьи?

Зеев Вудис.

Р. С. Мой телефон: + 972(0)97445557; эл. почта: vidis@zahav.net.il.

Леонид, добрый вечер!

Это успех!!! Это здорово!!!

Благодаря Вам и Игорю за такой короткий срок удалось найти родных нашего Матвея Исидоровича!!! Сколько я писем-запросов написал в разные городские и общественные организации Одессы, людям с фамилией Песлер — в надежде, что найдутся родственники Матвея! Много усилий к поиску приложили форумчане с "Солдата".

Леонид, Игорь, Вы настоящие ЛЮДИ!!! На таких, как Михаил Романов и Вы с Игорем, и держится наше общество, иначе давно бы всё рухнуло. Это очень приятно осознавать. И я очень рад, что мы познакомились! Леонид, я подготовлю материал о поиске родных Матвея Исидоровича и напишу на "Солдате". Это будет приятное известие для всех участников форума. Там нет равнодушных людей.

Тонкий привет Игорю и Асе Семёновне!

С уважением —

Михаил Заркацкий.

Уважаемый Леонид, добрый день.

Только что позвонил мой двоюродный брат из Германии, уроженец Одессы. Он будет в Одессе через несколько дней, 27 — 28 — 29 апреля. Я, когда он посетит Израиль, зная о его будущей визите в Одессу, передала ему два последних альбома, графику и юбилейный, посвященный весь одесской серии (те, электронную версию которых Вы видели), специально для Вас. Сообщите, пожалуйста, как еще с Вами или Вашими помощниками связаться.

Уважаемый Леонид! Я очень ценю такое качество людское, как искренность. Таких людей — благодарных и искренних — я даю альбомы, посвященные папиному творчеству, пронизанному искренностью, от всего сердца. Всего хорошего.

Виктория Ладыженская.

Париж, 3 апреля 2013 г.

Леониду Менделевичу Рукману, директору Всемирного клуба одесситов.

Уважаемый Леонид Менделевич, благодарим Вас за проявленный интерес к нашему скромному делу.

Мы очень рады, что нам предоставлена возможность организовать встречу с Александром Туном, и искренне надеемся, что в будущем мы сможем принимать столь ярких представителей вашего знаменитого города и членов вашего клуба.

Мы благодарим Вас за Ваше предложение. Мы обязательно его рассмотрим в ближайшее время.

Искренне вам —

Франсуа Делер.

директор "Librairie du Globe".

Mail: fransuz@fransuz.com.

Уважаемый директор, господин Рукман, Вам пишет английский ученый, славистка из Оксфорда, по поводу одной очень интерес-

ной статьи в архиве на Вашем сайте, где упоминается одесский фотограф XIX века Феодоровец. Я скоро приеду ненадолго в Одессу, и мне бы очень хотелось во время своего пребывания узнать побольше об этом замечательном фотографе. Вы не смогли бы мне помочь и меня связать, если можно, с автором этой статьи, Олегом Тубарем, или указав его электронный адрес, или направив ему мое письмо? Буду Вам очень признательна. Спасибо! Я полна восхищения деятельностью Вашего клуба.

Искренне Ваша,

с уважением —

Росамунд Барблетт.

Rosamund Bartlett,

rosamund.bartlett@ehrc.ox.ac.uk.

Здравствуйте, уважаемый Аркадий! Здорово вы поработали! Наслаждалась я рассветным Ланжероном почти без людей. На такой я и ходила с 8-месячным сыном. Я любила массив, откуда хорошо плавать. Конечно же, цыляю по Польской! Только вот беда — не могу взглянуть на свое окно (крайнее на 3-м этаже), его закрывают акация и солнце. Может, будут осенне-зимние съемки или 360 гр., тогда убью. Огромное спасибо вам!

С признательностью — Т.

Очень важное дело вы затеяли!

gerald@actcom.net.il, 12.05.13.

Добрый день! Прощу простить за беспокойство. С интересом слежу за деятельностью Вашего клуба и его изданиями. Как человек, давно "болеющий" поэзией русской эмиграции, хотел бы узнать, нельзя ли приобрести у Вас книгу Перикла Ставрова "На взмахе крыла" или хотя бы электронную версию данного издания. Заранее благодарен за ответ.

С уважением —

Александр Дахненко

(Донецкая обл., Краматорск).

Май 2013.

alex38445@mail.ru.

Леонид, спасибо — просмотрел ролик телекомпании "Глас". Пропавшие без вести вернулись через 70 лет.

Это действительно святое дело. Не знал, что клуб ведет и такую работу.

Спасибо! Буду вступать в члены клуба.

Roman.Morgenshtern, rsm@ukrferry.com. 9.05.13.

Здравствуйте.

Я — Маша Ольга Юрьевна из города Санкт-Петербурга.

Мой сын Матвей пишет краеведческую работу о Сергее Исаевиче Уточкине. Мы пытаемся воссоздать биографию этого человека. Многие уже сделано, но еще многое остается тайной. К сожалению, процесс поисков осложняется массой противоречивой информации, которой пестрит Интернет, и даже газеты начала века не всегда правдиво рассказывают об авиаторе.

Пытаясь воссоздать часть генеалогического древа, мы выяснили, что у Сергея Исаевича был сын, но какой-либо информации о нем найти не удается. Не могли бы Вы нам помочь узнать о нем? К сожалению, у нас нет данных о том, когда он родился, и мы даже не знаем, как его зовут, есть только фотографии и информация о том, что он учился в той же гимназии, что и Плещинский, о чем последний пишет в своих воспоминаниях, в главе, посвященной Уточкину.

http://photoarchive.spb.ru/showChildObjects.do?object=2503872722 — ссылка на фотоархив Петербурга, где запечатлены Уточкин с сыном.

С уважением — Ольга.

delen, nmmn@yandex.ru, 24.05.13.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Зина ДОЛГОВА

Связь человека

"Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места..." — писал Пётр Вайль в предисловии к своей книге, которая так и называется — "ГЕНИЙ МЕСТА".

Но есть места, которые рождают гениев. И среди них — город, который я знаю, как знают очень близкого человека, с которым можно расстаться на годы, но встретиться и начать говорить с, казалось, только вчера брошенной фразы.

Этот город — Одесса. Мне кажется, что это самый густонаселённый город на Земле. По его улицам, незримыми, по-прежнему ходят мои родные и друзья: и те, кто уже навсегда расстался с нами, и те, кого жизнь разбросала по разным странам. Прав Илья Рейдерман: "Бывших одесситов не бывает".

В 1968 году я встречалась с ними в сибирском Академгородке, в клубе "Под интегралом".

Кого только не приглашал одессит Анатолий Бурштейн на встречи с "Одеколончиком"! Потом привозила в Одессу своих учеников из Новосибирска, и они стояли, совершенно ошарашенные близостью XIX века, во дворе дома Амалии Ризнич на Торговой и не могли поверить, что сюда приходил Пушкин.

Несколько лет назад мне посчастливилось редактировать удивительную книгу живущего в Лионе одессита Михаила Обуховского "Джазовые вариации на тему Одессы". В прошлом году в Израиле в передаче Игоря Харифа я была заочным оппонентом Быкова, назвавшего ПОШЛЫМ одесский культурный миф.

Но Одесса населена и многочисленными героями, которые, обретая плоть благодаря создавшим их писателям-одесситам, ходят по её улицам. И если ночью на углу Канатной и Новорыбной (или Пантелемоновской), чуть ближе к Куликовому полю, вы встретите двух мальчишек, это наверняка будут Гаврик и Петя. А выше по Канатной (тогда — улице Полтавской победы) Корейко всё ещё всматривается в освещённые лунной булыжники: не обронил ли кто-то кошелек.

А недалеко от Оперного театра о чём-то беседует Юрий Олеша со своим другом Борисом Бобовичем. Около них какое-то время стоит старый одессит, потом раздосадованно машет рукой и со словами "А, когда мне это неинтересно!" уходит.

Чуть ниже, в Театральном переулке, входит в дом № 14 высокий молодой человек. Сейчас откроется дверь, ведущая в квартиру 15. Там живёт Александр Аренберг. А высокий молодой человек — Константин Паустовский, который в том, 1927-м, году жил у друга.

Обо всём этом лучше прочитать у прекрасного краеведа Ростислава Александрова, которого я когда-то знала как Сашу Розенбойма. Мы встречались в редакции "Комсомольской искры" и, если память мне не изменяет, в доме моей близкой приятельницы Антонины Соломоновны Бобович. Он рассказывал о поисках могилы Бабеля.

Как всё близко в Одессе: история литературы — это не выхолощенный советскими цензорами учебник, а улицы, дворики и дома.

Мой друг, работавший на Одесской киностудии, привёл меня к Аренбергу. Я увидела почти слепого человека, но... с теми же смеющимися глазами, о которых писал Паустовский. Тогда Александр Анисимович жил уже не в Театральном переулке, а на Пролетарском бульваре, в узкой комнате, большую часть которой занимал шкаф с томами Брокгауза и Ефрона. Когда к нему, почти девяностолетнему старику, придут с обыском, эти тома будут листаться с таким вниманием, которого ни один читатель, наверное, не проявлял. На столе они увидят листок, на котором огромными буквами — чтобы увидеть! — Аренберг записал мой адрес. Так я познакомилась с коридорами и одним из кабинетов СЕРОГО ДОМА, а "виновником" был... Паустовский. Не только Аренберг и Паустовский были друзьями, дружили и их сыновья. В убогой комнате Аренберга на стене висел большой портрет сына, написанный его другом. Друзья не вернулись с войны, и этот портрет остался для обоих отцов единственной памятью. Как ни любил Аренберг Паустовского, но портрет отдать не согласился. Именно из-за письма Паустовского в защиту автора книги "Не хлебом единым" и приходили к Аренбергу "почитатели" Брокгауза и Ефрона, а потом ко всем, чьи адреса нашли у старого репортёра.

Ни один талантливый писатель не выстроит сюжет так непредсказуемо, как делает это жизнь.

Я девчонкой приходила с подружкой в обычный одесский дворик. Там на очень привлекавшем меня длинном деревянном балконе-галерее, в маленькой комнате, жила её бабушка. В квартире вкусно пахло жарены-

ми семечками — бабушка продавала их маленькими или большими гранёными стаканами. Подружка стеснялась этого, а бабушка (я даже имени её не знала) говорила ей, что САМ отец этого байстрюка, которого сегодня знает "вся Одесса и дальше", продавал семечки.

Тогда я ещё не знала, что речь идёт о Багрицком. Думаю, что семечки были внесены в список товаров просто так, для внука.

В 1966 году ребята из литературной студии, которую я вела в Новосибирске, написали письмо Лидии Густавовне Багрицкой, с которой я к тому времени уже была знакома, с просьбой разрешить присвоить студии имя её сына Всеволода. 24 года просуществовала литературная студия имени Всеволода Багрицкого, и сегодня я получаю в Израиле письма от студийцев, давно ставших не только мамами-папами, но и бабушками-дедушками.

В доме Антонины Соломоновны Бобович я познакомилась с её двоюродным братом Борисом Владимировичем Бобовичем, которого впервые увидела в редакции газеты "Морьяк" в рамках конференции "Литературная Одесса 20-х годов".

У него был членский билет Союза писателей, датированный 1934 годом, но ни в одной литературной энциклопедии не значится фамилия Бобович. К тому времени я писала научную работу по творчеству Олеси и, листая в архиве одесские газеты, часто встречала стихи, подписанные то Бобович, то Б. Б-вич. Хотя разница в возрасте была более чем внушительной, мы подружились. Как-то он предложил написать стихотворение на заданное слово, и я до сих пор не понимаю, как решилась на это состязание, но свидетельства этой игры хранятся у меня и сегодня.

Бобович прекрасно читал Блока. Без преувеличения, он поклонялся Блоку.

Это был добрый, душевно щедрый человек. К себе относился с юмором. Он сам рассказывал мне, как в очень юном возрасте послал свои стихи в газету за подписью БОР. БЭ. С трепетом открыл конверт с грифом редакции и прочитал: "Дорогой Бор. Бэ. Мы не без БОР-БЫ выбросили Ваши стихи в корзину".

Именно Бобович убедил меня приехать в Москву, чтобы поработать в личном архиве Юрия Карловича Олеси. Он позвонил Ольге Густавовне Суок-Олеше и дал мне рекомендацию. В тот первый приезд я и остановилась у Бобовичей.

В день, когда мы должны были приехать в Лаврушенский, в Доме литераторов прощались со Степаном Злобиным, автором "Степана Разина". Борис Владимирович должен был заехать на панихиду. В маленьком зале стояли люди. У стены на стульях сидели пожилые люди, среди них — представительный Юрий Левитанский (ему уже нелегко было стоять на протезе). Вдруг довольно тесно стоявшие люди как-то зашевелились, а сидевшие у стены встали: опираясь на трость, в зал вошёл Константин Георгиевич Паустовский. Он не сел ни на один из освободившихся стульев. По тому, как встали эти пожилые и уважаемые люди, чувствовалось особое отношение к этому человеку. Я стояла чуть в стороне, но когда Бобович поздравил меня, с трудом сделала полтора шага.

Как это, оказывается, много — просто показать руку порядочному человеку! У меня и сейчас светлеет на душе, когда я вспоминаю об этом. Не всё, что произошло со мной в жизни, запечатлелось в памяти так ярко, как этот эпизод, длившийся от силы пять минут. Я могла бы не только сказать, кто в каком порядке так и остался стоять, пока кто-то не отведёт Паустовского, — я помню само рукопожатие. Память тела, о которой писал Евтушенко, сохранила несколько рукопожатий, как сохранила щекохощее прикосновение к щеке травинки, когда я, лёжа над обрывом на 13-й станции Большого Фонтана, представляла, что я нахожусь в волшебном лесу.

Не помню, почему в Лаврушенский переулок я в тот первый раз поехала без Бобовича. Когда двенадцатилетней девочкой я со своей Канатной угло Малой Арнаутской без разрешения пускалась в путешествия по городу, я ещё и не знала фамилии ОЛЕША.

А теперь, через шестнадцать лет, я стою в Лаврушенском переулке, у дома № 17, и перевожу дыхание, чтобы подняться в 73-ю квартиру.

И, конечно, стоя перед дверью, я не сразу решилась позвонить.

Я и думать не могла в ту минуту, что подружусь с Ольгой Густавовной, что в один из призывов на её маленькой кухне буду сидеть рядом со всеми сёстрами Суок, поражаясь абсолютной их непохожести, и — совсем уже фантастика! — с Виктором Борисовичем Шкловским.

Я терпеть не могу виски, но в тот день, если бы вместо "Белой лошади" мне налили сивуху,

я бы даже не заметила. Куда больше пьянила удивительная — то взлетающая по спирали, то возвращающаяся на нижний виток — речь Шкловского. Я несколько раз слушала Шкловского в Доме литераторов. Не потерять его мысль было так же тяжело, как пытаться поймав понравившийся золотой листок, который с десятками других кружит и относит ветер. Это самое увлекательное интеллектуальное и эстетическое действо, в котором мне посчастливилось быть незаметным стажёром.

На кухне у Ольги Густавовны он был другим. Обаятельный мужичок-боровичок со лбом философа наливал мне виски, а я, сидя слишком близко за маленьким столом, до неприличия пристально смотрела на него, чтобы не пропустить, чтобы понять, в какой момент из ничего возникает Мысль! Было много серьёзного и много смешного.

Тогда готовилась к печати "Тетива о несходстве сходного" (среди многих моих потерь — и эта книга с такой дарственной надписью, что цитировать, не имея оригинала для представления, просто невозможно). Там, на кухне, он рассказал мне историю (все остальные уже знали её) потери рукописи этой книги и неожиданно счастливого её завершения.

Закончив книгу, Виктор Борисович сдал рукопись в издательство.

Когда все сроки вышли, Шкловский поинтересовался её судьбой. Словом, через довольно продолжительное время ему признались, что рукопись утеряна. О том, как он пережил это, вставляла реплики Серафима Густавовна (боюсь быть неточной, но, кажется, она сказала, что у Виктора Борисовича случился инфаркт). Прошло 3 года. Шкловский так и не приступил к восстановлению книги. Зайдя по делу в ту же редакцию и ожидая кого-то, он от нечего делать скользил взглядом по фигуре сидящей к нему спиной секретарши. Как видно, его привлекла та часть тела, на которой сидела эта юная особа. (Все допущенные мною вольности — пересказ куда более острого рассказа Шкловского.) Задержавшись взглядом на симпатичной округлости, Шкловский вздрогнул, увидев что-то "мучительно-близкое, почти родное".

- Девушка! Вы давно сидите на этой папке?
- Как пришла в редакцию, так и подложила.
- И сколько вы здесь работаете?
- Больше трёх лет (сказано это было с нескрываемой гордостью).

Виктор Борисович делает паузу и, хохоча глазами — просто СЛЫШИШЬ этот смех! — добавляет: "Эта маленькая б... сидела своей задницей на моей рукописи (!) три года!!!"

Шкловский в известной книге говорил, что он через одно рукопожатие был знаком со Львом Толстым. Мне хватит этого одного рукопожатия. Он, кстати, был очень галантен, целовал руку, что при всём его облике было ужасно симпатично и вызывало у меня желание улыбнуться.

Пишу эти строки и не могу поверить, что это всё действительно было со мной.

Что Ольга Густавовна приглашала меня выступить на вечере, посвящённом творчеству Олеси, что Шкловский поддержал мою кандидатуру. Но выступать в присутствии Шкловского и Катаева...

Долгие годы я вообще не вспоминала свою жизнь до 90-го года. Наш мозг знает, как защитить нас от ненужных в данный момент воспоминаний.

А теперь... то ли пришло время для них, то ли наш мудро устроенный мозг выталкивает из пассивной памяти то, что может поддержать, дать новые силы. И я опять оказываюсь на той маленькой кухне. Лидия Густавовна, допив чай, встаёт. Она торопится закончить книгу воспоминаний об Эдуарде Багрицком, как будто предчувствует, что, увидев книгу напечатанной, тихо уйдёт.

С Лидией Густавовной будут переписываться члены литературной студии, которую я вела. В летописи студии хранятся письма, написанные её дрожащим почерком. Она была очень рада, что в Новосибирске ребята, любящие поэзию, решили назвать студию именем её сына. Мне тогда было 25 — 26 лет.

В холерный 70-й год уже прошлого столетия моя Мама будет угощать Ольгу Густавовну на нашей даче варениками с вишнями. Она приедет с бывшим грузинским князем, у которого снимала дачу (доживи он да наших дней, мог бы восстановить свой титул), и по другой — соседкой по Лаврушенскому переулку. У меня рука отказывается назвать её имя и фамилию. Ведь её появление на нашей даче — точно абсолютно случайное. Сегодня я жалею, что не обладаю... тщеславием? — не знаю, как назвать это отсутствующее качество, но мне и в голову не пришло, что можно сфотографироваться с этими людьми в Лаврушенском или на даче. Осталось несколько

Юрий Олеша.

очень тёплых писем и "Три толстяка", подписанные Ольгой Густавовной моему старшему сыну, которому тогда было 4 года.

С Ольгой Густавовной мы действительно подружились. Она очень высоко ценила моего мужа и очень тепло относилась ко мне. Зная её требовательность к людям, я даже тайно гордилась этим.

Ольга Густавовна разрешала мне самостоятельно работать в личном архиве Юрия Карловича. Помню, что я читала (и даже переписывала, но, увы, моя не совсем обычная репатриация не позволила мне вывезти свой архив) стихотворение Давида Маркиша, посвящённое Олеше.

Ольга Густавовна и в очень пожилом возрасте была очень красива. Полноватая, очень представительная, она, казалось, была создана для красивой гостиной с высокими креслами, и невозможно было представить её в убогой обстановке, за швейной машинкой или на кухне, удручённо задумавшейся, из чего приготовить обед.

Король метафор жил настолько скудно, что иногда у них с Ольгой Густавовной было на завтрак одно яйцо на двоих. Свидетелем этого завтрака однажды стал Катаев. Ольга Густавовна очень комично показывала, как маститый писатель тыкал тростью в шкаф с рукописями и втолковывал Юрию Карловичу, что в метафорах, в них заключённых, спрятаны и дача, и машина.

Когда Олеше сообщили, что его приглашают в посольство Польши для встречи с родственниками, Ольга Густавовна сняла серую штору и пошла мужу брюки.

Были и грустные воспоминания. Ольга Густавовна считала, что её сын покончил с собой, боясь, что его могут арестовать и это навредит Юрию Карловичу.

Так ли это, уже никто не узнает (я могу только ругаться за правдивость моих слов), но не секрет, что Олеша длительное время пребывал в подавленном состоянии. Его личный список злодеяний советской власти не давал его совести успокоиться. Он был из тех, кого безошибочно вычисляла и отбрасывала эта власть, даже когда он пытался с ней примириться. За эту попытку примирения была своя плата: мучительно трудно писалось, а власть пыталась его замалчиванием.

Можете себе представить душевное состояние Олеси, когда в 1956 году, наконец, вышел его сборник!

Он стоял недалеко от кассы и слушал, как все люди в движущейся очереди называют одну и ту же сумму — 8 рублей 85 копеек. Столько стоила Его книга.

Получив деньги (он принёс их в небольшом фибровом чемоданчике), Олеша сказал жене:

- Купи себе серебряное платье!
- Юрочка, но так это не делается. Нужно купить материал, пошить...

— Тогда, — перебивает жену Олеша, — давай купим что-нибудь! Давай купим лимон!

У меня и сегодня дрожит что-то внутри от этого "нетерпения сердца" поэта.

Я не только не фотографировала в этой маленькой квартирке, я даже почти не записывала — на потом. Но даже многое из того, что я прекрасно помню, я никогда не решилась бы обнародовать без согласия Ольги Густавовны. Спросить уже давно не у кого. Об Олеше написано сотни страниц на русском и французском. Не всё кажется мне бесспорным (и не всё нравилось Ольге Густавовне). Но я не пишу исследование. Я, да простят мне это выражение, смакую послевкусие этих удивительных встреч, которые подарила Судьба только потому, что мне повезло жить в нашем удивительном городе.

Татьяна ДРУБЕЦКАЯ

Письма моей бабушки

Юле и Лилли Сурис, Роми, Нике, Зое Друбецким

О существовании этих писем я узнала четыре года тому назад. Их писали моя бабушка, папина мама Роза Лазаревна Сурис (Коган) (12.02.1889 — лето 1942) и мой дед Давид Моисеевич (Морицевич) Сурис (1.10.1886 — лето 1942) из одесской тюрьмы няне моего отца, фактически члену семьи Клавдии Тимофеевны Нечаевой (18?? — 1959).

У меня никогда не было (за исключением вот бабы Клавы) бабушек и дедушек. В детском садике у ребят они были в тех или иных количествах, были почти у всех и коки — крестные, а у меня — только мама и папа. Старшие — погибли. Я не знаю, какие подробности знал папа — разумеется, он читал эти письма и от Клавы должен был тоже получить те или иные сведения. Знаю, что и после того, как эта тюремная переписка прервалась, Клава искренне верила, что ее подопечных угнали в какой-то окрестный лагерь, и все надеялась, что они вернутся. В этом она уверяла папу в письмах ему на фронт. Потом надежда исчезла. Мне всегда говорили, что они погибли в лагере под Одессой — когда и как?..

У меня хранится много семейных фотографий и устных воспоминаний о бабушке и деду. Она была женщина незаурядная, добрая, теплая, и жизнь ее с дедом, одаренным юристом, но взбалмошным и нечутким человеком, была нелегка. В семье росли два сына: Арнольд (Ноля) и Борис (Боба, Бобася), возрастная разница между которыми в 14 лет мешала тесному сближению. В середине 30-х годов Ноля, талантливый архитектор, уже работал в Москве.

Клава появилась, когда родился папа, очевидно, в начале или середине 1923 года, и так и осталась. Она обожала своего воспитанника, и он отвечал ей горячей искренней любовью.

22 июля 1941 года мобилизованный папа покинул Одессу, в которую он вернулся только летом 1945 года. О дальнейшем у меня есть только отрывочные сведения. Когда Одесса была оккупирована и начались облавы на евреев и массовые убийства, Клава спрятали Сурисов. (Где, как — не знаю.) В укрытии они пережили самые страшные периоды до весны 1942 г. А далее — так мне сказали, — когда как бы начались послабления в "еврейском вопросе" и евреев не убивали на месте, дед не выдержал и стал выходить. Его опознали, и их схватили...

Я впервые познакомилась с бабушкой на мятых, жеваных, заплаканных страничках этих нескольких писем. Она — моложе меня нынешней, ей 52 года, дед, кстати, тоже — ему 56.

Очевидно, добрейшей и широкой души человек — она должна держать сама, поддерживать более слабого духом деда, организовывать их быт (питание, стирка, починка одежды), искать дополнительные возможности (сшила платье). Просьба Клаве прислать йод — смазывать раны не только деду, но и другим нуждающимся. В камеру попадает женщина с младенцем — попытки обеспечить его хотя бы рваньем на пеленки, что тоже непросто. Дед этого младенца — набожный еврей, сидит в мужском отделении, его схватили так, что он даже шапку не успел захватить — она просит Клаву и о "кэпи" для него. Есть еще какая-то Мина, перед которой она чувствует себя виноватой (что там произошло, не выясним никогда), и постоянно она просит Клаву сделать что-то и для той.

И — отчаянная надежда ("авось проскочим") на встречу с любимыми сыновьями, и молебьи-заклинания об их жизни.

Три месяца длится эта переписка, а потом — в камере — сыпной тиф, и бабушка ухаживает за заболевшими. Были ли у нее шансы не заразиться?

Одно письмо от деда. Роза свалилась — и все рассыпалось. В течение полутора недель крали Клавины передачи,

нет возможности хотя бы подкормить угасающую больную. Наверное, для нее тогда, в июле, все и закончилось...

Клава — вернейшая из верных — точно следовала всем указаниям из тюрьмы. Не так-то просто было выжить и без подобной нагрузки, а тут — добыть пищу, что-то умудриться продать и выручить деньги для передачи в тюрьму, получить там стирку, сделать ее и срочно вернуть чистое назад, бежать по оккупированному городу, разнося записки и выполняя поручения. Я знаю, что когда она прятала бабушку и деда, то продала папины коллекции марок и на это их содержала, а потом — то, что велела Роза. Когда не стало, кому носить передачи, она не притронулась ни к чему — сохраняя все "до возвращения Бобочки".

Моей маме она отдала бабушкины кольца, одно — с бриллиантом большой ценности. Помню я и синий отрез, который не велено было продавать. Он пережил и Розу, и Клаву.

Что случилось дальше — можно додумать по листу свидетельских показаний в "Яд Вашеме", оформленных Генриэттой Суворовской на своего деда Волько-Санева Харитона, того самого набожного еврея, сидевшего с дедом. В графе "обстоятельства гибели" она записала: 1942 год, лето, Одесса, расстрелян.

Реконструировать эту историю стало возможным с помощью моего брата Юрия Суриса, моего сына Петра Друбецкого и свидетельских показаний, оставленных в "Яд Вашеме" Генриэттой Суворовской, дочерью, сестрой и внучкой людей, упоминающихся в письмах.

Спасибо им, и пусть сохранится память не только о моих близких, но — и обо всех, опаленных "виной" еврейства или причастности к нему.

(Я оставила в неприкосновенности правописание с его особенностями (своеобразное написание частиц "так" и "как") и пунктуацию. Так же, как неукоснительное обращение к Клаве на "Вы" с большой буквы.)

Поиски вокруг писем бабушки привели к знакомству с семьей Суворовских. Как я уже упоминала, начав искать по фамилии, я прочитала свидетельские листы в мемориале "Яд Вашем", которые переслала туда Генриэтта Суворовская из Нью-Йорка. Найти человека в наш компьютерный век недолго, и вот мы уже состоим с нею в интенсивной переписке и телефонных переговорах, что несколько осложняется разницей в часовых поясах. Она рассказывает мне историю своей семьи.

Леонард Францевич Суворовский был талантливым инженером, графиком и, как теперь сказали бы, дизайнером. Поляк по национальности, он женился на Марии (Мане) Харитон. Пара была очень красивой. Маня работала секретаршей в НКВД и, по иронии судьбы, до войны по служебным надобностям ей не раз приходилось бывать в одесской тюрьме. Когда Одесса была оккупирована, Леонард Суворовский устроил в своей квартире настоящее подполье на сооруженных им антресолях, благо потолки в старых одесских домах были высокие. Там он прятал кроме жены и ее родителей сестру и нескольких знакомых. Маня уже была беременна. Чтобы как-то существовать и кормить всех, он варил мыло и продавал его на базаре. Труднее было с водой, которую приходилось носить издалека — на девять человек.

Конечно, нереально было рассчитывать на покладистость соседей. Одна из них, Гура, работавшая кем-то вроде паспортистки, наладила "бизнес": она приводила к Суворовскому евреев, которым он подделывал документы за очень большие деньги. Деньги шли Гуре, а платой Суворовскому служило его молчание. Гура легализовала поддельные документы, но однажды что-то не заладилось, и ее арестовали. Она немедленно выдала Суворовских-Харитонов, и те были

сразу увезены в тюрьму. Был суд (Генриэтта обещает мне показать вырезку из одесской газеты 1942 г. с заметкой об этом суде). Все получили различные сроки заключения. Вернее, не все: мать Мани, Крейндел, уже погибла. Она решила проверить оставленную квартиру, вышла из укрытия и пробиравась "к себе", но попала в облаву и была облита бензином и сожжена заживо.

Вот так Маня, ее сестра Ольга и Гура оказались в одной камере с моей бабушкой, а Манин отец Волько-Санев стал соседом дедушки. Суворовский сидел отдельно. (Из бабушкиных писем мы знаем номера камер.)

Потом и он, и Маня рассказывали детям, как он устроился тюремным истопником и провел трубы в Манину камеру (она была на сносках, а — февраль, холод...). Однажды при обыске в камере нашли золото. (Это уже из воспоминаний Мани.) Пришел румынский офицер, красивый (ну что тут поделаешь — смерть совсем рядом, а пригожесть офицера накрепко запомнилась), и потребовал сознаться, чье золото. И Маня вышла и сказала, что ее, что было неправдой. Тот изумился: за укрывание драгоценностей полагалась смерть. Он переспросил, Манино ли кольцо, и та ответила, что да — ее. Он отдал ей кольцо. А цепочка? И цепочку Маня признала своей. Он отдал ей цепочку. А часы? И часы получила Маня. Она, конечно, плохо сознавала, что происходит, но румынский офицер, наверное, был поражен не меньше ее самой.

10 марта Маня родила Леонардика (того, которому бабушка просила прислать тряпок на пеленки). Роды принимал Леонард. И тут я должна процитировать из письма Генриэтты: "Мой дедушка был очень набожным, соблюдал все еврейские обряды, даже Ваша бабушка об этом писала... Он стоял на коленях перед моим неевреем-отцом, умоляя не делать обрезание ребенку, потому что он видел, как румын раздел какого-то мальчика голым и шомполом стал бить по обрезанному пенису".

Потом младенца убили, а в камере стал свирепствовать сыпной тиф...

Маня с сестрой выжили, и их освободили из тюрьмы в начале 1944 года. Они знали, что отца и всех из его камеры (значит, и моего деда) увезли прямо из камеры на расстрел в начале лета 1942 г. Леонард уже был выпущен и нашел убежище в семье своей сестры Елены Суворовской и ее мужа Александра Вольфа, немца по национальности. У Вольфов было двое детей. Вот в этот дом и привел Суворовский Маню и Ольгу Харитон и их подругу Риву Шейнер прямо после их освобождения. Вольфы стали прятать всех. В Одессе был настоящий переполох, оккупанты готовились оставить город, и опять начались расстрелы евреев. Полуживым, простуженным женщинам постоянно приходилось прятаться в шкафах, не смея подать звук, потому что к немцу Вольфу постоянно наведывались "свои". Вольфы очень хорошо понимали, что рискуют не только они, но и дети, но они не могли пойти против совести... Два месяца, остававшиеся до освобождения Одессы, могли показаться обитателям квартиры адом.

Генриэтта, дочь Мани и Леонарда, родилась в мае 1945 года. Маня хотела назвать ее Крейндел, но паспортистка отсоветовала — неласково будет девочке жить с таким именем. Александра, родившегося спустя пять лет, назвали в честь деда.

Когда Генриэтта училась в Одесской консерватории (она пианистка), то теоретическими дисциплинами она занималась у дяди моего папы, брата бабушки, Александра Лазаревича Когана.

И Леонарду Францевичу Суворовскому, и супругам Вольф за спасение евреев присвоено звание Праведников мира, и их имена выбиты на стелах в мемориале "Яд Вашем".

Письмо первое

11.04.[1942]

Дорогая Клава!

Во-1-х со Светлым праздником поздравляю Вас и желаю чтобы следующий праздник мы провели все вместе с дорогими нашими детьми. Теперь объясните, почему Вы так долго не приходили?

Мне все казалось, что кто-то из друзей Вам устроил такую же участь, как наша, и я и Дав. Моис. от этих думок плюс прекрасная наша жизнь чуть не рехнулась. И как я была счастлива, когда вчера наша бригадирша принесла от Вас передачу. Я плакала от радости на всю камеру и со мной все остальные. Вы не можете себе представить до чего могут такие мысли привести — что может быть из-за нас Вы столько страдаете и теперь еще и такое испытание! Но я счастлива, что Вы целы и невредимы. Но что же послужило причиной тому, что Вы не являлись с понедельника до четверга следующих недели? Или Вам сказали, что нас уже нет? Это чуть-чуть не случилось, но об этом будем рассказывать, когда встретимся — будет ли это когда-нибудь? А вдруг будет? Была ли у Вас такая старушка Екатерина Николаевна и молодая женщина Клео, очень похожая лицом на Норочку нашу? Думаю, что это она устроили возможность нам передачу. Напишите про все и когда я или Пономаренко выйдем к Вам, то возьмем.

Теперь я боюсь задать Вам вопрос, который встанет передо мною: жива ли бабушка? И может быть из-за этого Вы не приходили? Кроме того Вы ни кусочка Паски не передали неужели никто не пек их? Почему? Потом, почему Вы были не в синем пальто зимнем? Вообще у меня еще много волнующих вопросов. Но как их задавать, когда получить ответ?

Насчет отправки пока молчат, но это может произойти каждый день. Говорили, что сейчас же после праздников. А то говорят, что в начале мая. Мне очень хочется, чтоб Вы следили за этим, а с другой стороны я бы так хотела, чтоб Вы отдохнули и от нас и от жизни, какой Вы сейчас живете.

Зубы Дав. Мойс. сразу же пришлось, а теперь он говорит, что они его очень стесняют. Но Вы ведь его знаете. Ему угодить? Но сейчас его прощать надо.

Теперь, за эти полторы недели нам приходилось покупать пищу, собственно покупали только хлеб, за который платили по четыре, четыре с половиной и пять марок. И очень редко удавалось покупать молоко. И поэтому у нас много денег ушло и очень мало осталось. Что Вы продаете? Я бы хотела, чтобы такие вещи, которые не нужны будут нам немедленно, если мы живые вылезем. Платок белый сохраните, не продавайте его. И вообще что Вы продаете? Что Вам еще писать? От всей души желаю чтобы только наши злейшие враги очутились в нашем положении. Вискочим ли... удачи ли?

Еще эта Мина. Она считает, что она со своей семьей уцелела бы, но это не важно. Вы для нее собрали где-то сорочку, кальсоны и чулки. Но какие-нибудь туфли, платье и козынку. А то просто придется свое отдать, а у меня ведь немного, что есть. Так что сорганизуйте обязательно это дело.

У Вас еще была несколько раз Анна Ивановна, Вы ее мальчику относили с Канатной на Еврейскую записку — помните? Ее муж сидит вместе с Давид Мойс. Они волновались за нас — что мы с голоду помрем. Конечно, этого бы и не было и не это было главное, а я безумно волновалась. Что Вера, Власий? И так, марки готовьте, потом обязательно несколько карандашей, разве их у Вас мало? Бумаги по-

больше и чистой и не чистой — почему так мало передаете? Немного пудры — как ни странно сейчас думать. Потом я все время прошу зеркальце — там ведь в ящиках было много разных, можно не ахтительное. Потом ваты немного. Йоду — весь уже ушел — здесь много ранят и болячки у всех, я и смазывала йодом.

Передаю Вам белье Дав. Мойс. Если хотите и сможете, то спешно и постирайте, чтоб послезавтра опять нам передать. Раньше спросите, здесь ли мы еще. Думаю, что мне самой удастся выйти к Вам. Во всяком случае напишите про все интересное для меня, главное, почему не приходили. Слыхали ли что-нибудь про Харламову Петрович и др? Живы ли?

Вы выпишите себе, что нам принести и принесите. Еще какой-нибудь затрушенный нож, а то нечем резать. Ну, что еще написать? Опять про то, как мы несчастны? Не стоит. Будьте Вы счастливы. Встретьте должным образом наших дорогих детей и родственников, и если мы не доживем до встречи с ними, что все мысли мои и Дав. Мойс. о всех них и Вас, чтоб всем хорошим людям было хорошо и добро. Да хранит Вас всех судьба и Бог!

Здесь записка Мины к Вере, которая живет в ее квартире. Можете прочесть ее и что-нибудь пусть Вера и Марья Никол. сделает для нее.

Будьте счастливы. Целую всех вас крепко. Я. Скрывайте, что ходите к нам. Вере Мининской скажите, что кто-то ей дал письмо...

Письмо второе

15.04.[1942]

Дорогая Клава!

Если Вы внимательно читали мое последнее письмо (а очень нужно, чтобы Вы очень

внимательно читали все мои письма!), то Вы и узнали, что я счастлива, что с Вами и у Вас все благополучно. А вот Вы когда увидели меня на передаче, то успокоили меня не тем, как с нами будет и есть, а что Вы видели Дору, Лиду и Лику на свободе. Я и подумала, что наша (моя и Дав. М.) судьба Вас уже мало интересует и вообще вероятно мы Вам уже здорово надоели, а между тем сейчас Ваша помощь нужна как никогда. Дело в том, что есть разговоры, будто какое-то количество останется. Сам прокурор нам сказал, что мы попадаем в число евреев, которые уцелеют. Если судьба нас захочет пощадить для того, чтобы встретиться с нашим дорогим Бобасей, то кто же нам должен помочь, если не Вы?? Потерпите еще немного. Авось проскочим. А помощь Ваша должна выразиться сейчас в поддержке материальной и моральной. Материальная — это передачи и деньги, а моральная — следите внимательно за нами. А то Вам сказали, что нас уже нет (а кто сказал?) и Вы сразу успокоились, а мы здесь голодали. Так вот, следите Вы можете и сами, и вместе с Анной Ивановной Тужилкиной (Белая, 19) — ее муж, Александр Ильич, инженер Штейнберг, очень интересные и симпатичные люди — сейчас он вместе с Дав. Мойс. тк что вероятно нас ждет одинаковая судьба, кк я уже писала — то с Анной Ивановной имейте контакт и узнавайте у нее все. Я даже предлагаю Вам с ней чередоваться с передачами — один день она, а другой Вы, чтоб мы имели связь с Вами. Так вот, разговоры такие, что евреев пошлют в гетто на Слободке — и там они и будут (тк ли это!). А не то, что пошлют в Березовку, а там ремесленники пристраиваются. Так что я очень надеюсь на это. Я здесь сшила несколько платьев, тк что там наверно не пропаду, если будет база

в Одессе, у Вас. Может быть — это эгоистично. Но у меня сейчас настолько большое самодушие — мне кажется, что и Вы, и Ваши родичи уже хотели бы нашей гибели, чтобы освободиться от забот о нас. А нас судьба еще держит. Надолго ли? И зачем? Если б Вы знали, как мне тяжело! Если удастся когда-нибудь встретиться и поговорить, то это будут сплошные слезы, как впрочем и сейчас я должна была стереть их с моих глаз.

Итак, договариваемся с Вами: опекайте, имейте о нас опеку до какого-нибудь логического конца, а потом уже Ваша совесть будет спокойна. Потом имейте контакт с Анной Ивановной и обязательно узнайте какие евреи и как и сколько живут на Суконной фабрике. Говорят со 2-го апреля, которых отсюда послали — попали туда. Так ли это? Итак, договорились. Вы продолжаете опеку о нас в полной мере до победного конца. А мы умоляем судьбу пощадить нас для совместной дальнейшей жизни с Вами и с Бобасей, когда он, даст Бог, приедет. А это должно произойти, но надо пойти через большие испытания, может быть, даст Аллах, проскочим. Видите, я сделала верующей.

Теперь с Миной. При моем положении — она со мной. Если бы я не была так виновата в ее судьбе теперь — я бы иначе с ней разговаривала, но теперь не могу. А потому ей нужно помочь. Нам дают 100, 150 гр хлеба и горячую жидкую похлебку. Это вкусно, но недостаточно. А потому может быть соседи ей будут передавать 2 раза в неделю что-нибудь — хлеб, мамалыгу, кашу и т.д. А то что Вы приносите я должна делить не на 2 части, а на 3 — и получается голодно.

Теперь мне требуется: йод, у Дав. Мойс. вероятно, от грязи на затылке прыщи. Пару коробок спичек, мыло, тот кусок, который я не вымылила стирочный, а если Вы его использовали, то другой. Но режьте тоже не большими кусками. Потом нуждаемся в соли, муке (цибуля). Потом обязательно портреты Бобы, Ноли и Бубы. Кусок ваты. Потом гребешочек темный в прическу, постоянно носить, знаете?

Теперь то, что я Вам даю — постирайте и сейчас же обратно несите — все же неизвестно, что с нами будет. Очень прошу принести мне мою белую из шелков. полотна блузку — она у меня одна — потеплее, если мы выживем — она мне понадобится, а на худой конец — продать можно. Имейте в виду, что русские родственники могут помогать евреям, а Вы ведь очень давняя родственница. Ваша племянница еще с каких пор замужем за моим двоюродным братом!!

Теперь насчет пищи. Говорят, что продукты очень вздорожали. Почему хлеб? Яйца? Сало? Так вот выбирайте подешевле и посытнее. Хлеб — обязательно, мамалыга, масло немного и т.д.

Теперь я передаю Вам 5 марок — они неаккуратные их здесь не возьмут. Вы купите кусочек стирочного мыла для Мины — она мне дала 2 марки последн. Потом другая просила густой гребень, гребень для ношения в прическе, безразлично какой и 3 приколки для прически. Все это купите и напишите сколько стоит — я здесь получу. Итак, будьте здоровы, думайте о нас — Вы единственный здесь для нас друг, уж до конца продержитесь и поддержите нас.

Целую крепко.

Я.

Письмо третье

Без даты

Дорогая Клава!

Спасибо за паску. Чтоб у всех нас была такая вкусная жизнь. Прелесть. Спасибо за то, что Вы не оставляете нас в таком ужасном положении.... Но обязанность каждого близкого родственника помогать. Не правда ли? Вы понимаете? Мы теперь не голодаем. Хорошо кушаем благодаря Вам — дай Бог Вам здоровья и счастья, и если только Вам удастся встретиться и жить с нашим дорогим Бабасей и мы выкрутимся. Будет хорошо.

Но пока довольно паршиво. Еще хуже что ничего нельзя от Вас получить в смысле письма, а ужасно хочется. Может быть напишите на большой бумаге, без обозначения имени кому пишете. Напишите про все, сомните бумагу и заверните в нее что-нибудь, если они у ворот не забирают этих бумаг. А не то просто тому кто у Вас берет передачу и дает Вам посуду это незаметно всунуть.

Очень жаль, что Вы в среду не передали Штейнбергу для нас передачу. Меня офицер не пустил, потому что я сказала ему, что я еврейка, а не жидовка, а он сказал, что жидам нет передачи. Пономаренко переведена на другой этаж. А Кальницкая с нами пока...

Об отсылке. Когда и куда? Неужели столько промучаемся и не дотянем до конца? Прокурор сказал, что будем до конца войны сидеть. А когда она кончится? Все ждут конца войны. Теперь — все записки, если сумеете передать по назначению — будет очень хорошо. Мина просит и даже начала требовать какого-нибудь платья. Бога ради с'организуите, а то из двух платьев, какие у меня, я должна буду

отдать одно. Потом балетки ей не годятся — велики и нехороши. Попросите Веру, которая живет в ее квартире дать ей что следует, если это Вам удобно!

Теперь Штейнберга перевели в соседнюю камеру, тк что он разделен с Дав. Мойс., но я захожу к одному и другому иногда.

Вы когда пойдете с передачей в эти дни вызывайте Кальницкую — эту блондиночку, которая вчера передала. Если не выйдет —зовите Суворовского из 3-ей камеры 4-ый этаж, а если и это не удастся, то Штейнберга. А если не удастся и это, то узнайте у его жены — Анны Ивановны Тужилкиной, Бебеля 19 — вроде уже наладили с ней связь?

Я — на 4-м этаже камера 7
Д.Мой. — 4-ый эт. Камера 2
Суворовский Леонард Францевич — на 4-м эт. Камера 3
Штейнберг Александр Ильич — 4-ый этаж кам 1.

Между прочим жена Суворовского Маня, Мария с нами в камере с новорожденным — ему 5 недель. Вы понимаете эти условия в которых они без вещей, без пищи, без молока. Так вот соберите старое барахло, годное на пеленки и прочие вещи. Обязательно, я тоже дала несколько тряпок, какие Вы присылали, какие были со мной. Все. Какие счастливые? Лидя, Лика и Дора! Неужели мы будем такими???

Целую.

Я.

Пришлите кусочки батиста или там еще шелковые тоже. Спички. Потом опять бумагу чистую и нечистую. Ведь всех я снабжаю. Все здесь несчастные пишут, сигнализируют, чтоб им помогли — это плохо удается. Чтоб не слгазить, мы с Дав.Мойс. в лучшем положении — благодаря Вам — чтоб Вы со своей семьей горя не знали, а потом, чтоб и мы с Вами жили. Я счастлива, что бабушка жива. Дай бог, чтоб мы дождались с ней встретиться, думаю, хочется думать, что это будет так.

Пришлите там была старая черная рваная комбинашка. Может быть зашью и дам Мине. Она совершенно голая. То что Вы послали старое и уже порвалось. Ей платье нужно.

Все. Целую крепко.

Вот все передачи делайте сытные. Чтоб были подешевле. Я ведь из того, что присылаете, еще и оставляю в запасе на случай от'езда.

Все же пару вареных мамалыг или малой пожалуйста.

Нам известно, что цены на продукты кошмарные? Будто хлеб 4,5 м. Коровье масло 2,5 м. и т.д. Правда ли это. Просто про это напишите чтонибудь, а я пойму.

Теперь прошу немного пудры. Вы творог завернули в кусок батиста — я из него сделала очаровательные платочки, а кто ими будет пользоваться?

Мне уже настолько безразлична жизнь, что уже и ничего не хочется. Тем не менее, если еще будет передача, то принесите немного соли, резинку для трико, спички.

Если б можно было достать самобрейку, а пока обязательно пару ножигов. Дав. Мойс. одолжил. Потом Дав. Мойс. старые верхние сорочки вязанные старые. Я их почию, если буду жить, а не буду — они Вам тоже не нужны. Вот все. Как в городе? Скучно и тошно? Всех ли жидов уже переловили?

Дорогая Клава! Вы единственный для нас здесь теперь близкий человек. Дай бог, чтобы Вы встретили моих сыновей... что постоянные и последние мысли только о них. Пусть они живут до глубокой старости и такого горя, кк мы узнали никогда больше не знали. Будьте живы и здоровы. Целуйте бабушку, Веру и Власия. Вас крепко обнимаю и целую.

Я.

Забыла: принесите бумагу чистую и нечистую и пару карандашей.

Письмо четвертое

Без даты

Дорогая Клава!

Про то, что я получила деньги я писала в каждом письме. Вы просто невнимательно читали. Рекомендую Вам внимательнее читать. Какая неприятность у Вас была в связи с Миной Б.? Представляю себе, что вероятно ее знакомая выгнала и пригрозила? Я задаю вопросы а ответа не получу уже — так я думаю лежа голая и босая и голодная к все здесь. И мне придется из моих вещей ей что-нибудь уделить. Ведь очень мало взяла.... белья.

...Вы собрали из моих и своих вещей ей перемену: сорочку, чулки, косынку, платье какое-нибудь. Вы себе представляете, кк я несчастна еще больше от соседства с нею.

Нас хотят услать куда-то. Куда? Никто не знает и не узнает. Узнаете ли Вы когда-нибудь — тоже неизвестно. Говорят, что евреев отдельно, русских отдельно. Евреям вчера передачи не давали. Сегодня еще не знаю.

Вообще, евреев ненавидят по программе — все, все. Гура сидела с нами в камере, так она подняла скандал, что мол, евреи виноваты в ее аресте, словом, колоссальный скандал устроила и ее перевели в другую камеру. Она может еще пакостить. Отдали ли Вы ей сорочку и юбку — отдайте, холера ее возьми!

Я с Дав. Мойс. вижусь очень редко. Мужчины отдельно и не разрешают. Я не уверена, что в дороге будем вместе. Он в ужасном состоянии.

...Что если ушлют, то вероятнее всего уже на смерть! Так не хочется еще умирать, не знаю, что с детьми. Где наш дорогой Бобася? Неужели и он в таком же положении, как мы? Только за то [что] еврей? Неужели это преступление, за которое полагается смерть? Какой ужас. И все же хочется верить, что выкарабкаемся. Следите за собой. Поменьше говорите о нас — нас уже почти что нет. Вам поменьше нужно думать о таких злодеях, кк мы? Денег много уходит, не знаю, есть ли еще у Вас? Шубу свою старую облезлую я давно продала, Вы даже не знали об этом, за 50 марок! И вообще Вы родственница наша по бесконечным смешанным бракам. Помогаете с того, что продаете мое и свое барахло.

Дорогая Клава! Вы даже не представляете себе, кк тяжела для нас жизнь, а за

Письмо пятое

6 ию...

Дорогая! Все получила, что Вы передали — решительно все, понимаете? Сто тоже.

Спасибо Вам за все, но вероятно все уже продано? Ничего не осталось — ну и бог с ними [вещами], если останемся жить, то наживем. Главное — встретиться нам всем — с Вами и с дорогими нашими детьми, братьями. Хочется думать, что так оно и будет, иначе судьба нас не сохранила бы — посмотрим! Чтоб наш дорогой Боба был невредим и вернулся таки, тогда будет высшее счастье.

...думаешь, дай бог! Теперь, если будет выходить...

Теперь, пожалуйста, принесите две катушки черных ниток 30 или 40.

Скажите сколько стоит — я должна одну продать потом — узкую резинку для трусов — пару метров — тоже цену дайте. Потом нам всем очень хочется и креветок — маленькие рачки, если не дорого, пришлите.

Псылаю Вам грудь на сорочки, сшейте себе или ждите пока...

Кто передал Мине тогда деньги [...] и пищу. Что это

Если Вам удастся их незаметно передать ... Будьте здоровы, помните, что без Вас мы бы погибли. Не у всех есть такой друг — все мне завидуют и часто ругают, что мне хорошо, а им плохо — а кто виноват?

Целую Вас крепко,

Я.

(Сбоку — Газеты!!!)

Письмо шестое

Без даты

...и сестра

...все, кто знает этого замечательного парня! До чего я скучаю по нем?

...Я и не знала, какое место в моей жизни он занимает. Не хочу жить, если с ним, не дай бог, что-нибудь случится!!

Итак, заканчиваю, кк всегда просьбой. Вы приносите редьку, лук и яички — я делаю салат а где же немного постного масла? Итак, в бутылочке немного его принесите.

А старое кэпи уже передали? Это Мане Суворов(ской). Отец набожный и без шапки нельзя, тк он носит из бумаги — поняли?

....и

(сбоку — бумаги и черный карандаш!)

Письмо седьмое

14 — VI

[]

когда это будет? Понравилась ли Вам грудь на сорочку, которую мы Вам послали? Кстати, пришлите сорочку Д.М. верхнюю, у него все белье украли. Старый дурак, не мог уследить, а теперь ходит в трусах. И сорочку, что Вы купили синюю тоже украли. Хорошо я забрала все вещи его к себе — тк кое что сохранилось. Тк что ему нужно — опять что-нибудь в смысле кальсон и верхних сорочек. Но я боюсь говорить об этом тк кк знаю, что неоткуда. Вы можете делать деньги? Я бы очень хотела, чтоб синяя шерсть, потом красный и белый крепдешин ждали бы меня. Я все надеюсь, что и мы и наши дорогие дети, наш ненаглядный Бобася придет и будет жить с нами. Дай бог!

Спасибо за деньги — они очень пригодились. Кстати, у Д.М. украли четырнадцать марок. Вообще у него полный кавардак — он не приспособлен к такой жизни. Конечно, трудно...жить здесь, но нужно приспособиться, а он никак не умеет — но что я могу сделать? Те деньги, что Вы нам принесли мы тратили просто на пищу потому что дни большие и кушать хочется, мы и покупаем — 15 м. — кило кор. масла, 10 м. — брынза, молоко 1.50 литр, хлеб очень дорогой — 5 — 6 марок. Но это лучше, чем болезнь — вчера в больницу унесли Нину, Лену и еще одну — Фаню, у которых сыпной тиф, и Маню Сувор(овскую), у которой еще неизвестно — сыпной или брюшной — и это с ребенком! Представляете, что мы пережили? А несколько дней и ночей ухаживали за ними и я ужасно спать хочу. А я....

[]

...и это мы без вшей!

[]

...конечно с Бобасей. Где теперь наше несчастное дитя? Во всяком случае он где бы ни был в большем почете чем такие же кк он здесь у нас. Мы его так любим, что он должен вернуться и вернуться! Ведь все мы молимся это и я и ДМ, и ваша...

Письмо восьмое

17 (1-7?)

Дорогая Клава!

Вчера виделась с Дав. Мойс. Он на меня произвел самое удручающее впечатление.

Говорит не к месту, в общем свихнулся человек. К чему это может привести? В таких условиях? Что он [] Я его видела две минуты — больше нельзя, а он безусловно нуждается во внимании, в уходе, а кто ему все это даст?

А теперь нас перевели опять на 4-ый и я в одной камере с Миной и сестрой Мани Суворов(ской), которые теперь тоже заболели. Опять дерганье беспрерывное. Дезинфекция и все прочее. Вообще насколько прежнее письмо было жизнерадостное, настолько теперь у меня настроение кошмарное. Я не рада жизни, пусть бы уже все кончилось. Вы постарайтесь хорошо встретить Бобасю нашего дорогого.

Присылайте марки. С Л.Ф. передавайте, что можете. Только через него. Не дай бог он заболит — нам всем капут.

...Сегодня я ничего прибавить не могу — будьте здоровы и счастливы.

Целуйте Вашу маму Веру и Власия и всех друзей.

Боже, какие Вы все счастливые! А мы? Плачу, плачу.

Письмо девятое

Без даты

Дорогая Клава!

Дав. Мойс. понемногу успокаивается. Но опять начнет нервничать, когда услышит про то, что нас хотят переселить в другое место. Оно может быть хорошее теперь, но зимой оно было таким, что оттуда не возвращались. Во всяком случае нам нужны больше всего марки. Все же Вы продавайте такие вещи, которые не одевать. Ведь мы прошли очень много испытаний и выскочили живыми, авось и теперь проскочим.

И, главное, наши дети обязательно тоже проскочить.

Целую Вас.

Я

Разрозненные страницы

Так как муж Анны Ивановны Тужилкиной находится вместе с Дав.Мойс. и вероятно и судьба наша будет общей, одинаковой, то Вы сможете у нее узнать и про нас, если мы уже не будем здесь. Адрес: Еврейская (Бебеля) 19 -Вы были у нас, давали знать тогда ее мальчику Се-реже. Вот Вам уже и связь, о какой я мечтала. Будете иметь нити. А лучше, конечно, чтоб я сегодня легла и утром не встала. Об этом я уже мечтаю много месяцев, но судьба меня сохраняет. Неужели для того, чтобы я встретилась с нашим дорогим Бобасей? Дай, дай Бог!

(почерк деда)

Дорогая Клава!

У нас большое несчастье: Роза заболела и очень подозрительно, что у нее сыпняк. Что делать — ума не приложу. Лечение никакого нет. Нужно усиленное питание (масло, молоко и т.д.), а у нас нет никакого, ибо все передачи Ваши, начиная с прошлого вторника какая-то воровка-стерва получала вместо Кальницкой и нам не отдавала, так что все они пропали.

Теперь передачу делайте только на имя одного из двух людей, которые находятся в одной камере со мной и которые безусловно честны.

1 Миндрулл Василий (4-й этаж, камера 2)

2 Чумаченко Александр (4-й этаж, камера 2)

Когда будете посылать вызов на передачу, обязательно пишите на своей вызывной записке свое имя "Клава" — тогда будет известно, что их вызывают для нашей передачи. Молите бога за Розу, да сохранит он ее нам. Сдавая передачу, обязательно говорите, когда Вы придете в следующий раз.

Помните, что мы уже 9 дней не получали передачи и самым настоящим образом голодаем.

Какая-то стерва получила все наши передачи и сожрала их а я и бедная больная Роза голодаем...

Спешно продайте мой синий костюм и сделайте для нас деньги.

Повторяю, передачу сдавайте только одному из вышеуказанных двух лиц.

Целую.

(Дода?)

Клаве Нечаевой

Улица Петра Великого, дом 11

Рядом с немецким консулом

И это — всё...

Ольга БОГДАНОВИЧ

Дорога с моря

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ "НАШИ БЛИЖНИЕ МЕЛЬНИЦЫ"

До революции 1917 года Ближние Мельницы ограничивались на юге Лагерной улицей, с одной стороны которой располагались жилые дома, а с другой — дачи Токаревой, Дайбера, Блондена и прочих. Начинаясь она от одесского Тюремного замка.

Улица называлась Лагерной, потому что до революции тут стояли лагерями императорские солдаты. Со временем она была переименована в Парашютную (во время Великой Отечественной войны здесь приземлились советские парашютисты), в начале XXI века улицу опять переименовали — присвоили ей имя героя Великой Отечественной войны, участника обороны Одессы Якова Бреуса...

Одно время мои дедушка и бабушка вместе с детьми жили в родительском доме по улице Лагерной, 14. После войны бабушку сослали в Сибирь. Пять лет она добывала каменный уголь в шахте под землей. А перед самой смертью еще успела узнать, что ее имя вместе с тысячами имен других безвинных мучеников занесено в Белую книгу жертв сталинских репрессий.

Она рассказывала мне, как, окруженная вооруженными солдатами с собаками, колонна осужденных брела из Тюремного замка по улице Лагерной в направлении станции "Одесса-товарная". Там для отправки в Сибирь их ждали вагоны, в которых раньше перевозили скот...

Ул. Парашютная в направлении Тюремного замка.
Слева — место дома по ул. Лагерной, 14.
7 ноября 1983 года.

Слева от нашего двора располагалась богатая усадьба дяди Пети Цыганчука. У ворот его дома висела табличка с надписью: "Колбасная фабрика. Персидско-подданный Махмуд-Мамед-Оглы". На самом деле звали его Петр Владимирович Цыганчук. Я еще застала и его, и его жену, и дочь, и внука. У его дочери — тети Тамары Цыганчук, доброй и внимательной женщины — я обучалась игре на фортепиано. Помню все в коврах темные комнаты этого дома и покрытый серыми туфовыми плитами двор в тени винограда. Летом двор обильно поливался водой из шланга.

А в неказистом, узком нашем двореке еще росла черешня, наевшись которой, умер от холеры наш прадедушка. Но в конце двора находилась мечта моей жизни — залитый солнцем, весь в высоких бурьянах и колеблющейся ромашке-космее, САД. А в самом конце сада — огромные кусты смородины: ее редкие черные ягоды, покрытые серебряной патиной, такие крупные и душистые, покачивались над моей головой, как елочные игрушки. Он казался мне раем.

Теперь на месте детского рая высится обычная серая девятиэтажка...

В торце Лагерной улицы, справа от входа в Тюремный замок, стоит двухэтажный с мансардой торгово-офисный центр — все, что осталось от бывшего Шуваловского приюта.

В Государственном архиве Одесской области хранится дело "О разрешении Одесскому Обществу Призрения неимущих и помощи нуждающимся наименовать предполагаемый к переселению приют именем графа П.П. Шувалова" (ф. 2, оп. 1, д. 2987). Выдержки из него дадут некоторое представление о событиях: "1) ...Принят доклад Распорядительного комитета относительно постройки здания для приюта за тюрьмой" [из журнала очередного общего собрания г.г. членов Одесского общества призрения неимущих и помощи нуждающимся от 10 марта 1902 г.]; 2) ...Господину министру внутренних дел. Ныне ввиду воследовавшего 5 сего марта Высочайшего указа о назначении Графа Шувалова Генералом для особых поручений при Министерстве Внутренних Дел... просит о разрешении наименовать сооружаемый приют... именем графа Павла Павловича Шувалова..."

В субботу, 20 июня 1909 года, "Одесский листок" в своем иллюстрированном приложении поместил фотографию этого приюта и статью о нем, что помогло мне сразу идентифицировать здание:

"Приют неимущих имени графа П.П. Шувалова.

За тюрьмой, в тихой местности, высятся несколько зданий приюта призрения неимущих и помощи нуждающимся имени графа П.П. Шувалова. Тысячи бесприютных, сирых, голодных и убогих находят себе в стенах приюта покой и убежище. Голодные дети, оставленные своими родителями на произвол судьбы, попадают туда, и из них воспитывают будущих граждан. ...В приюте имеются как православная церковь, так и вполне оборудованная еврейская синагога, так как приют принимает всех без различия вероисповедания. Отдельно как для православных, так и для евреев имеются обширные белые палаты, где старики и старухи, изувеченные, искалеченные, нищие и обнищавшие доживают свои последние дни. Тут же рядом с ними подрастает молодое поколение — все больше дети улицы. В приюте имеются 342 призреваемых. Кроме постоянно призреваемых приют оказывает поддержку, выдает пищу средним числом в день 340 человек. При приюте имеется 4-классное народное училище, где обучаются 88 мальчиков и 47 девочек. Некоторые закончившие обучение в училище продолжают и доныне среднее и высшее образование. Все призреваемые живут дружной семьей..."

Этот дом погибал на глазах у всех. Те, кто часто ездил по Черноморской дороге автобусом № 133 (тогда еще не было никаких маршрутных такси), могли наблюдать следующее. Как раз в этом месте после ливневых дождей образовывалось огромное озеро, которое с трудом преодолевал городской транспорт. Мы медленно проплывали в автобусах мимо открытых подъездов этого дома, наблюдая шевелящиеся в них грязные волны, и не представляли, КАК выходят и заходят в этот дом его обитатели.

Здание бывшего приюта неимущих имени П.П. Шувалова перестроили под торговый центр в конце XX века. Оставили-использовали только крепкие надежные стены. Дорогу отремонтировали...

...Недалеко через дорогу расположено тихое Второе Христианское кладбище.

В те чудные для нас, детей, годы, мы частенько возвращались поздно вечером из Черноморки (бабушка говорила по старинке — Люстдорф, то есть Веселая Деревня) — с моря. Деревянный зеленый баул, который нес главный рыбак — мой дедушка, источал запах рыбы и водорослей. Угоревшие под летним солнцем, мы еле плелись мимо белокаменной стены кладбища (тогда она еще не была заставлена гаражами) и слышали, как пели на кладбище соловьи. Мы видели там много летающих огоньков, которые назывались светлячками, и даже собирали этих страшных толстеньких червячков в спичечные коробки. Но дома светлячки почему-то уже не светились, а бабушка укоряла меня за то, что я отобрала у деток-светлячков их маму и папу.

По дороге мы проходили мимо темной, глухой Пешеходки. Так называлась местными жителями узенькая полоска земли меж двух участков, по которой я вынуждена была ходить на музыку в дом тети Тамары. Однажды зимой меня там "накормили" снегом местные мальчишки, воспользовавшись безлюдностью проулка: мне просто некуда было бежать — тут не разведутся и два велосипедиста. Зато весной я имела счастье наблюдать в садах Пешеходки трепетающие на холодном еще ветру под открытыми стеклами парников уже цветущие анютины глазки.

...На углу улиц Парашютной и Юрьевской стоит средняя школа № 8 — первая школа моей жизни. Я проучилась здесь четыре года в "А" классе у заслуженной учительницы Украины Пановой Елены Никитичны, чьи внимательные к детям и доброта ко всем незабываемы.

Со второго класса мы изучали красивый, певучий украинский язык, а также жесткий немецкий, возлились в земле пришкольного сада и рисовали.

Помню нашего странноватого учителя рисования, которого все называли Циркуль. Он радостно учил нас легко, будто взвешивая, держать пальцами карандаш. Благодаря вдохновению этого талантливого человека я, например, до сих пор люблю рисовать, а моя подруга по классу Инна Заремба стала настоящей художницей.

Средняя школа № 8. 2011 г.

С Инной мы познакомились так. Я вылетела на своем трехколесном, уже маловатом для меня, "велосапедике" на угол Лагерной, а оттуда мне навстречу выплыла на изысканном двухколесном велосипеде воспитанная и утонченная новая ученица нашего класса. Мы успели притормозить, кто заговорил первой — не помню, но вот уже пятьдесят с лишним лет мы встречаемся-дружим-расстаемся-миримся...

Отец Инны — Игорь Иосифович Заремба — как настоящий, признанный художник, вызывал у меня восхищение. Кроме того, что дядя Игорь был стоматологом-протезистом, он был известным художником-пейзажистом. И еще он вдохновенно играл на скрипке, чем сразу полюбился мне. Происходил он из семьи дворян Гутше, не покинувших Россию после революции 1917 года.

Дедушка Инны был инженером в тех же железнодорожных мастерских, где все мои дедушки работали простыми рабочими, и имел двухэтажный дом на Воронцовке...

Дом на улице Лагерной принадлежал его маме Александре, и как-то запали мне в сердце и она, и ее маленькая белая собачка-шпиц, и старинная роза Фрау Карл Друшке, обсыпанная огромными белыми цветами...

Сразу за школой, вдоль улицы Парашютной, находились казармы танковой воинской части. Часть давно перевели куда-то вместе с танками и огромными подземными запасами горючего, возле хранилищ которого всегда стояла часовая. Добротные здания казарм перестроили, достроили и превратили в жилые дома.

Ближние Мельницы постепенно застраиваются высотными домами и уже слились с Черемушками, безжалостно наступающими на них. Процесс забивания многометровых свай под фундаменты многоэтажных домов в районе Ближних Мельниц привел к тому, что грунтовые воды, всегда находившиеся здесь в равновесии, поднялись до уровня 1,5 — 2 метров. В двориках, погребках и под домами на Ближних Мельницах стали образовываться страшные провалы, и никто не знает, к чему это может привести...

Нынешняя улица Бреуса заканчивается потрясающим сооружением, которое до сих пор выполняет свою функцию, — Горбатым, или Бароновским, мостом, за которым начинается Молдаванка. Татьяна Донцова в статье "О том, как обидели старый мост" рассказывает, что построен он был в 1914 г. через железнодорожные пути в районе Товарной станции около вагонных мастерских строителя Одесской железной дороги барона Унгерн-Штернберга. Ныне этот мост — одна из главных артерий, соединяющих старый город с новым поселком Таирова.

На дореволюционных картах нет улицы Ефимова, есть улица Юрьева, и еще в 1929 году она называлась Юрьевской, а дом, в котором жили мои родные, сначала имел номер 26 и только позже — 28. Потом Юрьевскую переименовали в Центральную.

В 1898 году владельцами ближайших к нашему двору домов по улице Юрьевой были: № 22 — Крылова, № 24 — Дук, № 26 — Кузьменко (угол Лагерной).

Между прочим, из архивного дела 1892 года стало известно, что одноэтажный дом по улице Юрьевской, 22 строил знаменитый архитектор Кесарь (Цезарь) Оттон.

Центральная улица была переименована в 1972 году в честь первого российского авиатора, летчика-испытателя Михаила Никифоровича Ефимова, может быть, еще и потому, что в конце улицы Центральной начиналось Стрельбищное поле, в районе которого совершали полеты первые отечественные аэропланы...

...Наша семья возвратилась в Одессу в 1957 году благодаря вмешательству Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, которому прабабушка Наталья Константиновна (мать двоих погибших участников гражданской войны, дяди Коли и дяди Васи, и бабушка погибшего участника Великой Отечественной войны дяди Олега) написала письмо-прошение. Мы были восстановлены в звании одесситов: нас прописали на ее жилплощадь по Ефимова, 28, где она уже давно жила в жилкооповском двухэтажном доме...

Рядом с воротами этого дома я любовалась розоватым цветением чахлой мыльнянки, по которой ползали многочисленные пчелы. Там я научилась ловить голыми руками "пчел" — несчастных трутней без жала, которых осенью рабочие пчелы безжалостно изгоняли из ульев...

...Целых семь лет мы теснились всемером на 14 квадратных метрах: бабушка, дедушка, дядя, мама, папа, я и маленький братик Вовик, пока благодаря гуманной политике Н.С. Хрущева в СССР в 60-е годы не началось массовое строительство жилых пятиэтажных Черемушек, в том числе и в Одессе.

Маминого брата, ныне декана политехнического университета, я до сих пор называю дядей Дюфой, а он, в свою очередь, называет меня Пуделем. Его влияние на меня первых лет жизни в Одессе значительно, потому что родителям просто некогда было со мной возиться. Дяде шел 21-й год, он учился в политехе, хорошо играл на трубе и любил шутить. Вместе с ним я "разобрала" первый в своей жизни автомобиль: дядя промывал старые детали голубой "Победы", а я изучала их. Тогда мне очень понравилось возиться с техникой.

И первым человеком, вывезшим меня к морю, на дикий пляж в Черноморку, стал тоже Дюфа.

По сибирскому опыту купания в речушке Ордынке я знала, что вода плохо держит человека, что поэтому, если не шевелить руками-ногами, можно даже утонуть.

Огромное пространство, занятое морем, привело меня в ужас. Я до сих пор не люблю это великолепное, шумное, блестящее и ветреное создание. То ли дело — ласковая вода реки, которой можно утолить жажду...

Короче, то, что я не хотела заходить в море, дядю не остановило. Он взял меня под мышку, зашел на приличную глубину (себе по горло), бросил меня в воду и пошел к берегу.

Я пошла ко дну... Потом мерзкая по вкусу, соленая вода вытолкнула меня на поверхность, я стала с ненавистью колотить по ней руками-ногами и поплыла. Позже мы с братиком уже плавали к рыбацким сетям (километра три от берега), но неприятное отношение к морю осталось. Годы я не хожу на пляж, проводя свободное время в сухой степи, где поддерживаю жизнь своего сада. Это тяжело, но достойнее праздного валяния тела на солнце...

Во дворе росли канадский тополь и акация. Позже из брошенной кем-то косточки вырос абрикос.

Когда в мае тополь покрывал всю округу своим навязчивым пухом, приходилось затягивать балкон какими-то шторами, тряпками, чтобы хоть как-то уберечься от пуха, вызывающего кашель и чихание. Он также облеплял виноград на балконе, уродуя его.

Немного раньше зацветала душистая белая акация.

Представьте себе утро, когда раннее солнце проникает во двор, высвечивая плавающий в воздухе пух, и все это заполнено теплым запахом белой акации и нетерпеливым ожиданием разных событий нового дня.

Весной в скворечнике на акации поселялись скворцы. Они пели так громко, что будили всех уже на рассвете. Они выводили птенцов, которые тоже сначала долгое время орали, потом начинали артистично и звонко петь, закрыв глаза и помахиывая крыльшками в такт щелкающим трелям. Иногда скворцы что-то говорили по-человечески. Прислушавшись, можно было разобрать слова, как будто птицы специально рассказывали мне мою жизнь...

Кроме красивых деревьев у нас во дворе находился объект, особо привлекавший внимание детей, куда они ходили с опаской (взрослые говорили, что там живет страшный Бабай): загадочный, вырытый еще до революции погреб. В его кладовках жилища хранили картошку, буряк и моркву (так говорили в нашем дворе), а также закрукты. Его камен-

ные ступени местами были разбиты, спускаться в глухую тишину приходилось, держась одной рукой за металлическую трубу, осторожно сжимая в другой руке свечу или фонарик (Верка зажигала кусочек плексигласа, который ужасно дымил, но приятно вонял). Когда ноги становились на твердую землю, мы с облегчением вдыхали запах сырости, плесени и свечного огня: пришли.

Однажды Дюфа устроил дворовой малышне поход в дальний проминец — достаточно длинное ответвление, идущее от погребка в глубь земли, наподобие катакомб. В проминке было сухо, но чем дальше мы шли, тем тяжелее становилось дышать. С полукруглого потолка свисала столетняя паутина, сгоравшая от поднесенной к ней свечи. Холодало. Напряженно пахли и чадили свечи.

До конца проминка мы так и не дошли. Кто мог там жить? Слепые пауки? Что это был за коридор, и куда он вел? О кладках мы тогда еще не догадывались, да и сейчас не стали бы их искать — так далеки они от реальной жизни.

Но дядя сделал главное: он научил нас не бояться темноты и неизвестности, а мы научились быть смелыми путешественниками и исследователями.

Несколько лет спустя в нашем районе поднялись подземные воды и затопили погреб. Земля над проминком провалилась, и в самом центре двора образовалась яма, куда все бросали мусор. Когда позже появились холодуильники, они взяли на себя функции погребов.

В двухэтажном доме по Центральной, 28 было 11 квартир. Все мужчины нашего двора дружили. Наш дедушка объединился с моим папой и дядей Колей и создал бригаду любительского лова рыбы. В Черноморке у нас появились свои будка и лодка — шаланда "Волга". Дедушка часто привозил с рыбалки качалочек (скупарию), чирус, сладкую ставридку — тогда они еще водились в районе Одессы.

Запах и вкус свежей жареной рыбки — с чем можно его сравнить? С божественным запахом роз — предчувствием счастья...

На берегу

Светлой памяти моего дедушки

На берегу два деда варят
Уху из серебристой рыбы,
А рядом ждут две рыжих кошки.
И перезрелый виноград
Роняет ягоды на землю.
Забудь ту осень — не любить
Морского воздуха озялость,
Переходящую в тепло,
И тайну легкого восторга
На берегу не пережить.
Два рыбака уху сварили,
Поели, накормили кошек,
И в море вымыли посуду.
И среди звезд пошли домой.

По выходным мои родители собирались семьями с друзьями, играли оркестром на гитаре, мандолине и пианино (за пианино всегда сидела мама, она до сих пор хорошо и душевно играет). Помню, как отец, плотно сжав губы, задумчиво выводил на мандолине "Амурские волны" — наверное, вспоминал свою Сибирь...

Женщины готовили в миниатюрной заставленной кухне нехитрую еду. Потом, конечно, все ужинали. Ах, как это приятно, когда все вместе, смеются, рассказывают анекдоты (еще с опаской, чтобы не услышал какой-нибудь враг), поют, играют в карты, в домино, в лото-бочоночки.

Все было. И все прошло. И все они умерли. Но тогда жизнь только начиналась.

Мы уже мечтали, кем станем. Трехлетний братик уверял, что будет пожарным. Стал ученым-физиком.

После первого в моей жизни похода в библиотеку, находящуюся неподалеку от нашего двора, я мечтала быть только библиотекарем. Я испортила все свои книги: написала с обратной стороны обложки какие-то буквы с какими-то циферками, имитируя, как я теперь знаю, шифры хранения (как в библиотеке). Я стала краеведом, библиографом, автоматизатором библиотечных процессов. Я стала библиотекарем, который пишет книги.

В то время отец часто сочинял свои философские труды, я же, сидя рядом с ним за столом, понарошку списывала целые страницы быстрыми зигзагообразными линиями.

И полюбилось мне доброе действо сотворения слов...

Непросто отличить добро от зла: второе зачастую маскируется под первое и наоборот. Кроме того, быть злым намного легче, естественнее (у всех животных зло — самозащита, а это, что ни говори, бывает необходимым). Да и делать зло намного легче, наверное, потому что так живуче.

В огромном подъезде нашего дома на Ближних Мельницах мы любили играть "в мячик". Мяч отскакивал от стенки, мы прыгали через него: кто больше напрыгает.

Но, к великому огорчению взрослых, а к детскому раздражению, в нашем подъезде свила гнездо красногрудая деревенская ласточка. Она терпеливо сидела на яйцах,

а мы долбили стену подъезда чудовищным мячом прямо под гнездышком, чуть ли не попадая в него. Только сейчас я понимаю, как было страшно маленькой птичке. Птенчики вылупились, и я помню, как тревожно кричала ласточка, улетающая за кормом, и как мы продолжали бить мячом стену под гнездышком.

...Будто в наказание за проявленную жестокость, у многих из нас не сложилась семейная жизнь...

Ближние Мельницы — тихая радость Одессы. Мы выросли в этих дворах.

Свадьба на Ефимова, 28.

Это здесь были первая влюбленность в синеглазого красавчика Витю, первое предательство подружки (Верка украла куколку у "богатой" Наташки, а на меня сказала), первые друзья.

Это в те времена, в 60-е годы, появился первый телевизор — у состоятельных соседей Пенчевых. Все дети двора хоть раз в день да собирались у них перед телевизором и смотрели через увеличительную линзу все подряд.

Тогда был всплеск всего первого. Первые шариковые ручки — фантастическая возможность не думать о чернилах. Первые колготки — синтетика, но — красиво, элегантно, не то что колючие сдавливающие чулочки на пажиках. Первые целлофановые кульки вместо бумажных — многократного использования (их можно было стирать!!!). Первые плащи-болонья — легкие, стильные, их привозили моряки. Первые холодуильники... Японские зонтики... Радость и грусть...

Самым грустным было стоять на остановке десятого трамвая, когда его долго не было: два раза в неделю я ездила в город, в музыкальную школу (играла на фортепиано, потому что этого очень хотела мама). Изучать сольфеджио и муз. литературу приходилось в ближайшей музыкальной школе № 2 имени Глазунова, филиал которой существовал на Ближних Мельницах, в помещении школы № 123.

На остановке трамвая росло большое, изуродованное наростами дерево. Однажды, в который раз обходя вокруг него, в нагромождении опухолей и шрамов я увидела стоющего человека. С тех пор этот человек (и дерева) всегда вызывали у меня сострадание.

Дерево давно погибло, но его огромный пенек и сейчас слегка возвышается над уровнем асфальта.

Наискосок от остановки находилась парикмахерская, где нас подстригали. Процедура была неприятной, но необходимой, потому что длинные волосы надо было как-то оформлять, а короткие свободно летали по ветру и не мешали лазать, например, на крышу погребка. Позже мама научилась сама подстригать мои патлы — равномерно по всей длине. Инна же носила две тоненькие косички с изысканными, как розы, белыми бантами.

Парикмахерская на Ближних Мельницах. 23 июля 2011 г.

С тех пор прошло пятьдесят лет: куча всяких новостроек, перестроек, гласностей, псевдореволюций и несправедливостей. А парикмахерская осталась — одно из самых стабильных в мире заведений: ничего не поделаешь, шерсть на человеке растет даже после смерти...

Недалеко от трамвайной остановки, на Ефимова, 12, до сих пор работает детская

библиотека — филиал Централизованной городской библиотечной системы для детей № 19, первая библиотека в моей жизни. К счастью, когда я, стесняясь, зашла туда впервые, меня пустили к полкам, самой выбрать книжечку (теперь знаю, что это называется открытым доступом). Библиотекарь была кроткая и внимательная, она понимала, что шестилетний ребенок должен ПОЛЮБИТЬ знания. Впервые я увидела так много разноцветных, разнообразных книг, украдкой трогала их и нюхала. Они пахли пылью, грязью, типографской краской и чем-то еще, таинственным и счастливым, как будущее.

Я выбрала книгу Юрия Олеши "Три толстяка" — отсюда началась моя бесконечная любовь к книге. С трудом осилив эту не детскую книгу, я принесла в библиотеку свой рисунок с Тиббулом, идущим по канату, и была счастлива, что библиотекарь, которой я показала картинку, похвалила меня...

Я никогда не откажусь от удовольствия чтения тяжелых бумажных книг, которые можно раскрыть, погладить, согреть, прижав к груди, и надеюсь, что жизнь моя, начавшаяся с библиотеки на Ближних Мельницах, закончится также библиотекой.

Напротив детской библиотеки стояла и до сих пор стоит небольшая зеленая будочка, в которой ремонтировали все — от примусов до обуви... В этой будочке и теперь местные жители ремонтируют свою обувь.

В самом начале улицы Ефимова располагалось 17-е почтовое отделение для Ближних Мельниц, на конвертах писали: Одесса, Б-17. Конверт стоил 3 копейки — как билет в трамвае (билет в троллейбусе стоил 4 копейки, в автобусе — 5 копеек).

Перед самым концом Советского Союза в обществе произошла какая-то вспышка общения: словно предчувствуя разлом, разрыв и разлуки, люди активно переписывались. Были сняты ограничения на тиражи журналов и газет, и наши почтовые ящики ломались от периодики и писем.

Существенной проблемой тогдашней жизни людей на Земле было отсутствие мгновенной связи: мобильных телефонов еще не придумали, стационарные имелись только в квартирах состоятельных или заслуженных людей — свободных номеров хронически не хватало. Поэтому все уличные таксофоны в любом районе пользовались вниманием: их берегли даже хулиганы. У нас было три таксофона: в доме через дорогу от нашего двора, рядом с "военкой" (магазином для военного городка) и возле почты.

Рядом с почтовым отделением, на углу улицы Шота Руставели, ныне переименованной в прежнее Смирнова, располагался наш продуктовый магазин.

Мне вспоминается эпизод сумерек зимнего дня, когда рано темнело и холодало, а мы стояли плотной толпой в очереди за сливочным маслом: сотни людей с детьми — практически все жители Ближних Мельниц. Нас согревала надежда, что масла хватит всем, хотя оно, к сожалению, часто заканчивалось непременно перед нами. Давали по 200 или 300 граммов масла на душу, потому и стояли целыми семьями, с детьми. Когда подходила наша очередь, детей пропускали вперед, мы гордо показывались продавцу и уходили с маслом.

В очереди дети знакомились друг с другом. Благодаря очереди стал мне ближе мой одноклассник Толик Челюшкин (теперь он видный ученый, преподает математику в одном из одесских вузов). В тот вечер он стеснительно поглядывал на меня, а я хмуро ковыряла ногой грязный окаменевший снег... Нам было лет по десять.

Кроме масла помню время, когда вообще отсутствовал белый хлеб, но даже темные маленькие булочки казались необычайно вкусными. Помню бесконечные очереди абсолютно за всем...

А маленьким детям огромную радость доставляли подарки, которые передавал им зайчик. Когда дед Толя шел домой с завода, зайчик обязательно подбегал к нему с парой конфеток, или с горстью вкуснющих семечек, или с печенюшкой... Мы ждали прихода дедушки, как...

Мы совсем не верили в Бога. "А если Бога нет, то все дозволено?..." Я не раз пыталась доказать бабушке-басеньке несправедливое: что Бога нет. "Бог есть, — кротко, но твердо говорила она. — Ты подрастешь и узнаешь". Она читала какие-то старинные книжечки — молилась, а я хихикала над ней в своем уголке...

Теперь эти книги читаю я. Теперь я знаю, что Бог есть.

Теперь иначе выглядит жизнь. Теперь уже многое понятно и объяснимо. Жаль только, что уже никого не вернуть и ничего не исправить.

Я помню лишь одно: "В начале было Слово". Может, оно заступится за меня?..

Сейчас в моду входят бани. Пойти в баню считается особым шиком. А тогда...

В нашем дворе не было газа — только свет и колонка с водой у подъезда. Во время оттепелей и гололедов ходить по воде было опасно для жизни.

Одна на всех уборная находилась в углу двора, где ютились сараи с углем и мусорная свалка. Когда мусора набиралось достаточно и он заваливался, во двор приходила грустная лошадь с телегой, и ее возница долго и тщательно выгребал наш мусор в эту телегу, чтобы увезти куда-то.

Еду готовили на примусах и керогазах. Стирала в больших лоханках. В них же купали детей.

Раз в месяц ходили в баню. Билет стоил 20 коп.

Здание бани (уже, к сожалению, не баня, а офисный центр) на Ефимова до сих пор сохранилось: двухэтажное, под двухскатной крышей, оно стоит напротив бокового входа на Малиновский рынок.

В ней были мужское и женское отделения. Узенькие кабинки, где каждый мог оставить одежду, раздевшись догола, стояли в достаточно прохладном помещении-предбаннике. Кабинки закрывала и открывала Г-образным проволочным крючком банщица, она же, кажется, выдавала дефицитный тазик при входе в общий зал. Добыванием тазика занималась мама, поэтому я не помню, откуда он брался.

Мне вообще было неприятно посещать эту баню. Самое неприятное, что мне вспоминается, — это голые женщины всех возрастов. Особенно страшные среди них — старые, измученные жизнью, дряблые тела, белые, морщинистые, с варикозно расширенными на ногах венами, с седыми космами вдоль плеч. И я сама — тощая, голая, злая... А потом еще идти по морозу с мокрой головой, закутанной в шаль. А вот попробуйте хоть раз так пройтись.

...Улица Ефимова заканчивалась бывшим Стрельбищным полем, тогда уже питомником декоративных деревьев...

На всю жизнь запомнился мне водопад голубых выюнок — небесно-голубой ипомей — на стенах одного маленького палисадника по улице Зеленой (Зорина, в простонародье Зоринской), мимо которого я ходила за хлебом в "военку". Можно было долго стоять и смотреть на них.

Стыдно признаться, но я и сейчас, проходя мимо окон домов Ближних Мельниц, разглядываю в них комнатные цветы, выставленные на подоконниках, как на клумбах. Потому что цветы на подоконниках первых этажей — это показатель душевности обитателей дома: много красивых, чистых цветов — люди явно хорошие, близкие природе. Если ж пустой подоконник...

Раньше в домах выращивались фикусы, алоэ и "калочки": фикус — как признак значительности, алоэ необходим для лечения всяких ранок, а "калочки", которые герань, пеларгония, — для души. Милые, душистые (так что моль не выдерживает), цветущие всеми цветами "калочки" и сейчас растут на подоконниках старых одесситов, тогда как молодежь предпочитает узамбарские фиалки, калатеи, традесканции, папоротники и особенно — вошедшие в последнее время в моду орхидеи.

Некоторые жители нынешних Мельниц умудряются выращивать сирень, чернوبرивцы и мальвы на улицах, между тротуаром и проезжей частью, там, где теперь все заставлено личными автомобилями...

Недалеко от угла Зеленой и улицы Ефимова в бестелевизионные годы существовал и радовал нас кинотеатр имени 40-летия Октября. Именно в этом кинотеатре мы смотрели фильм "Человек-амфибия" и другие интересные фильмы, часами выстаивая в жутких очередях за билетиком. Билет стоит 20 копеек (как в баню).

В день открытия кинотеатра всех желающих пропускали бесплатно.

Над киноэкраном висел лозунг, особенно поразивший тогда меня: "Искусство принадлежит народу". И подпись: В.И. Ленин. Так я впервые узнала, что произведение искусства не принадлежит человеку, создавшему его...

Теперь здание кинотеатра перестроено, в нем функционирует церковь во имя Сретения Господня.

Напротив кинотеатра одно время (в начале 1990-х годов) находилась чуть ли не первая в городе пекарня, где выпекали лаваш — пресный горячий хлеб. Он был невероятно вкусным. В окешечко, выходящее на Зеленую, можно было видеть огромный каменный кувшин с узким горлом, из которого периодически вынимались испекшиеся остроухие лепешки... Мне нравились серьезные грузинские женщины-труженицы.

Как хорошо, когда вместе живут много разных народов, все дружат, смеются и поют песни.

Мы очень любили шумные праздники и демонстрации, когда можно было идти в одной колонне вместе со всеми, размахивая цветными воздушными шариками, красными флажками и самодельными веточками бумажных цветов.

Какое счастье быть счастливыми вместе со всеми!

Мы жили трудно. Мы жили просто. Мы жили честно.

Александр ДМИТРЕНКО

"Личное дело Дмитрия Лебедева"

14 мая 2013 года во Всемирном клубе одесситов состоялось открытие выставки-исследования "Личное дело Дмитрия Лебедева".

На выставке представлены акварельные произведения, наброски, рисунки, документы, иллюстрации к научно-фантастической повести 1918 года, стихи Д. Лебедева (1899 — 1922). Впервые на суд зрителя отдано творчество художника — практически в полном объеме, в т. ч. — три работы из четырех, экспонировавшихся в Одессе, на выставке Общества независимых художников, в 1919 году, и эскизы к четвертой работе. Лебедев прожил очень короткую, но насыщенную жизнь, одновременно — неповторимую и типичную для своего круга и своего времени. Поэтому наша выставка — не только дань памяти художника (который, несомненно, заслуживает, чтобы о нем вспомнили), но и портрет талантливого одесского мальчика из интеллигентной семьи на фоне эпохи.

Хочу поблагодарить за помощь и поддержку Евгения Михайловича Голубовского, авторитет и безупречный вкус которого и подвигли меня на проведение этой выставки-исследования.

Полтора года назад, в октябре — декабре 2011 года, в Одесском музее западного и восточного искусства я впервые рискнул показать результат своей работы: выставку "Я есть" и изданный к ней альбом-каталог "Автопортреты художников Одессы".

Любовь к автопортретам оказалась настолько сильной, что после выхода каталога мой интерес к этому жанру искусства не иссяк, пополнение коллекции продолжалось и продолжается по сей день. Поиски новых экспонатов привели меня к архиву забытого художника Дмитрия Лебедева — участника выставки Общества независимых художников в 1919 году.

В массиве бумаг, принадлежавших молодому художнику, нашлась фотография Валентина Ивановича Булгака, дворянина, друга и одноклассника Лебедева по гимназии, впоследствии — служащего Одесской железной дороги, потомки которого и сохранили архив. Архив включал в себя автопортрет Д. Лебедева, работы, показанные на выставке "независимых" в 1919 году, альбомы (большого и меньшего размеров) с акварельными работами, тетрадь с набросками 1916 — 1918 годов, рукописи научно-фантастической повести с иллюстрациями в папке зеленого цвета, блокнот в мягкой фиолетовой обложке с черновиками стихов и беглыми набросками чернилами и карандашом, две отпечатанные в типографии программки вечеров во 2-й мужской гимназии 1918 года, а также каталог выставки картин Общества независимых художников 1919 года.

Впервые ознакомилась с архивом и составила краткую биографическую справку о Дмитрии Лебедеве Ольга Михайловна Барковская, сотрудница отдела искусств Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького, которая в то время собирала материалы об одесском Обществе независимых. Собранных сведений было недостаточно, и я начал исследование биографии человека, умершего в 23-летнем возрасте, но успевшего оставить свой след в искусстве.

Короткая жизнь молодого художника совпала с переходной эпохой — изломом государственной системы, убеждений и верований, крахом надежд и мировоззрений. Сформированные за более чем 300-летний период система воспитания, образования, устоявшаяся пирамида социальных взаимоотношений рухнули. В результате пяти лет метаний и неопределенности, уничтожения, войн, разрухи и голода возникла совершенно новая государственность, основанная на принципе "кто был ничем, тот станет всем".

В период с 1917-го по 1920 год в Одессе управление городом многократно переходило из рук в руки. И только с 8 февраля 1920 года установилась Советская власть. Все это время, независимо от режимов, в Одессе правила еще одна власть — бандитская, и с ней тоже невозможно было не считаться. Как бы там ни было, невзирая на голод и эпидемии, бандитизм и разруху, художественная жизнь в городе не прекращалась. Издавались журналы, работали театры, читались лекции, проводились диспуты, открывались выставки.

Образовавшееся еще в конце 1916-го и просуществовавшее до 1920 года, Общество независимых художников объединило творческую молодежь и активно включилось в выставочный процесс в городе.

Председателем "независимых" стал известный художник и критик М. Гершенфельд, секретарем и казначеем — В. Крихачкий. С 1917-го по 1919 год Общество провело несколько самостоятельных выставок.

7 декабря 1919 года в Городском музее изящных искусств на Софиевской открылась

последняя, как оказалось, выставка картин "независимых". На выставке были представлены произведения художников "Мира искусства" из частных собраний А.К. Драгоева и Н.М. Кобылинского. Но основную часть экспозиции составили произведения современных художников — членов и экспонентов Общества независимых. Среди участников выставки в каталоге перечислены Г. Бострем, Л. Бродский, М. Бродский, К. Гольдфарб, Б. Гроссер, М. Гершенфельд, Л. Завьялов, С. Зальцер, П. Зябкин, Н. Кальвинский, С. Кишиневский, А. Кобцев, Д. Лебедев, И. Малик, С. Милеев, В. Мюллер, И. Никифоров, С. Олесевич, О. Перлин, М. Смирская, Н. Соболев, Б. Сыров, С. Фазини, В. Филлипов, Т. Фраерман, И. Шклявер, Н. Юхневич (произведения Фазини и Фраермана указаны в каталоге, но в действительности на выставке отсутствовали).

Лебедев Дмитрий Михайлович на выставке 1919 года представил четыре работы: "Врата горизонта" (№ 89 по каталогу), "Небесная корова" (№ 90), "Восход солнца" (№ 91), "Колокола" (№ 92).

Многие участники этой выставки мало знакомы современным любителям искусства. История оказалась безжалостной и предала забвению их имена. Тем ценнее и весомее обнаружение архива Д. Лебедева, где сосредоточено почти все творческое наследие художника, от небольших карандашных зарисовок до вполне состоявшихся произведений.

Сведения о жизни и творчестве художника в его семейном архиве были крайне скудными и разрозненными. Помог в поиске биографической информации сотрудник Государственного архива Одесской области Степан Андреевич Желясков, удивительный, влюбленный в свое дело профессионал. Найденные материалы позволили сложить увлекательный калейдоскоп обрывочных сведений в стройную, почти полную историю художника и его семьи. Но обо всем по порядку.

Дмитрий Михайлович Лебедев родился 20 августа 1899 года в Одессе — в семье преподавателя Одесской духовной семинарии надворного советника Михаила Владимировича Лебедева и его супруги Александры Алексеевны (в девичестве Малеиной). Обряд крещения состоялся 31 августа 1899 года в церкви Св. Апостола Андрея Первозванного при Одесской духовной семинарии.

Отец художника родился в 1865 году в семье священника. По окончании полного курса наук в Московской духовной академии со степенью кандидата богословия в 1891 году вступил в службу в Томскую духовную семинарию учителем гражданской истории. В январе 1899 года был направлен на должность преподавателя латинского языка в Одесскую духовную семинарию, а спустя полтора года переведен на должность преподавателя арифметики и географии в Одесское духовное училище. С 1 августа 1912 года был уволен из духовного ведомства в связи с назначением на должность инспектора народных училищ (ведомство Министерства народного просвещения), в которой и пребывал до 4 октября 1919 года.

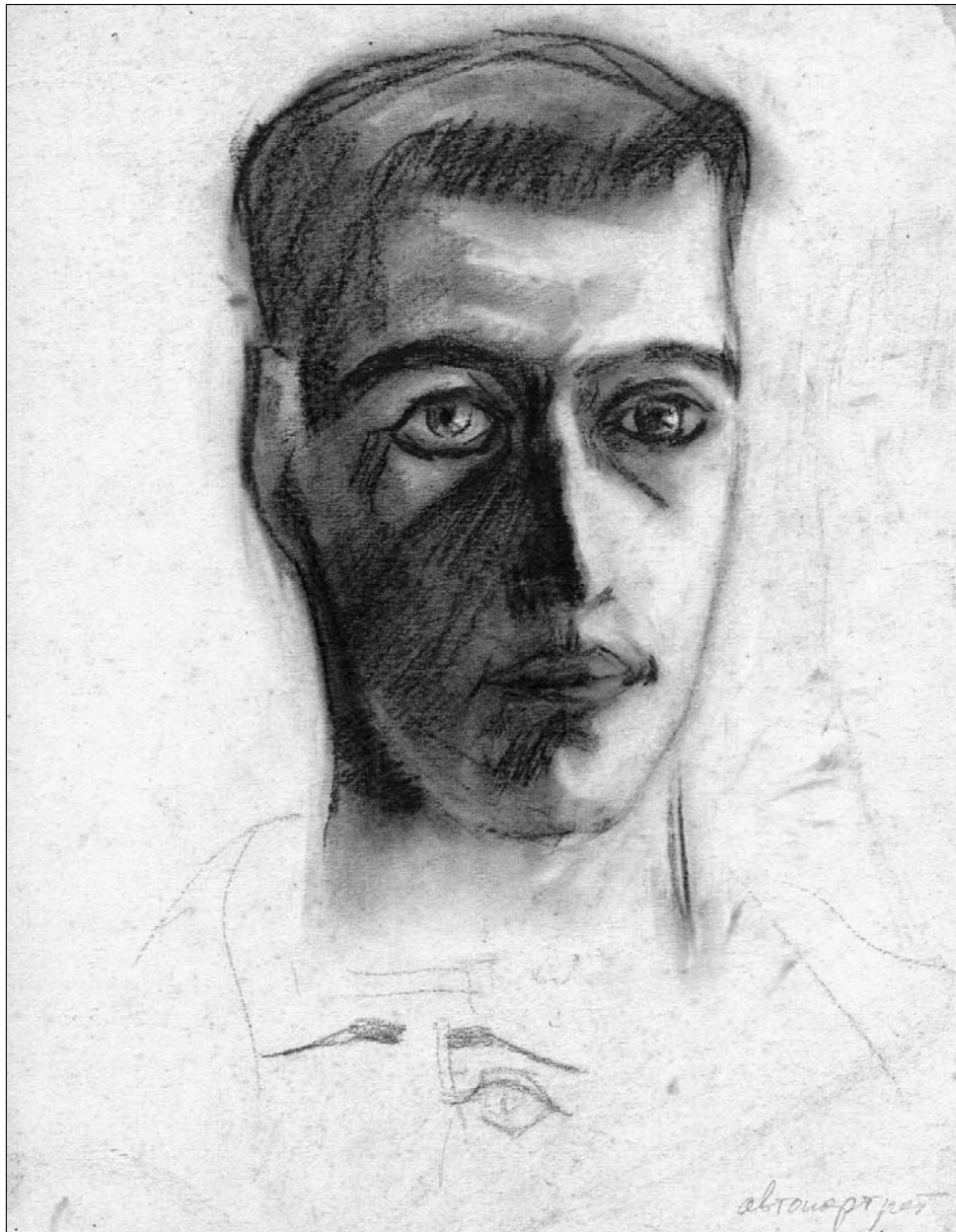
Умер 29 мая 1925 года в Одессе. Сохранилась скупая архивная запись о его смерти, с примечанием: "Похоронен без родственников". Вместо близких подпись под документом поставил В. Булгак (друг Д. Лебедева).

Из семьи священника происходила и мать Дмитрия, Александра Алексеевна. Из четырех детей четы Лебедевых (трех дочерей и сына) две дочери умерли в раннем возрасте. Третья, Вера Михайловна, родилась в 1892 году в Томске.

В 1910 году окончила с золотой медалью восемь классов Одесской второй женской гимназии и прошла специальный курс по русскому и французскому языкам, с правом служить домашней наставницей. С января 1915 года работала учительницей в одесских городских училищах. В течение многих лет вся семья Лебедевых проживала по адресу: Одесса, ул. Внешняя, д. 36, кв. 17.

Дмитрий Лебедев учился в Одесской второй мужской гимназии с 21 августа 1914 года по 5 июня (23 мая) 1918 года (аттестат зрелости от 19 (6) июня 1918 года № 440) и уже тогда обнаружил творческие задатки. Так, в марте и апреле 1918 года он оформлял занавесы для вечеров, проводимых в зале училища.

24 августа 1918 года Дмитрий был зачислен на историческое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета, в котором проучился три года. 6 июня 1921 года он написал заявление об исключении из списков студентов гуманитарно-общественного института и приказом от 5 июля 1921 года был исключен.

Дмитрий Лебедев, автопортрет, 1920 г.

За год до ухода из университета, 5 августа 1920 года, написал заявление о зачислении в художественные классы при Одесских свободных художественных мастерских (бывшее Одесское художественное училище), на живописное отделение. Зачислен в мастерскую под руководством К.К. Костанди (заявление от 3 сентября 1920 года с резолюцией К. Костанди: "Допускаю"). В заявлении указан домашний адрес (ул. Внешняя, д. 36, кв. 17) и отмечено участие в выставке "независимых" 1919 года.

Остается одна важная лакуна — где именно получал художественное образование Д. Лебедев до поступления в СХМ. Кто он? Талантливый художник-самоучка, черпавший знания из журналов и других доступных в то время источников? А может быть, учащийся Свободной академии изящных искусств Общества независимых художников, в которой преподавали Г. Бострем, М. Гершенфельд, С. Олесевич, Н. Скоцкий? Или завсегдатай Свободной мастерской живописи и скульптуры под руководством А. Нюренберга, где лекции и практические занятия вели И. Малик, В. Мидлер, М. Гельман, Т. Фраерман, Ф. Гоziасон, В. Бабаджан? Эти учебные заведения, взявшие за образец систему занятий в частных академиях Парижа и Мюнхена, открылись осенью 1918 года, и, скорее всего, одно из них и посещал наш художник.

Есть еще одно предположение, достаточно убедительное и многовероятное, но все же предположение. Кто был "проводником" 20-летнего юноши на выставку "независимых" в 1919 году? Из списка экспонентов выставки близким по духу, возрасту, месту проживания и обучения оказался еще один забытый художник Сергей Васильевич Милеев (1898 — 1941 (?)).

Отец Сергея В.Ф. Милеев совместно с Г.Э. Бостремом организовали выставку общества в 1916 году, в 1917 году среди организаторов были В.Г. Крихачкий и уже сын Милеева Сергей. Как участник выставок "независимых", С. Милеев получал хорошую прессу, из которой можно судить о схожести философских и пластических составляющих творчества Милеева и Лебедева. Организаторские способности Милеева-младшего — тоже не получившего профессионального художественного образования, их соседство (Милеев проживал по адресу: ул. Новосельского, д. 17, кв. 5; Лебедев — ул. Внешняя, д. 36, кв. 17), учеба на одном отделении в Новороссий-

ском университете, хоть и на разных курсах, позволяют предположить связь С. Милеева и Д. Лебедева. Если исходить из этих догадок, становится понятным круг общения, возможные дружеские и творческие связи Д. Лебедева в то нелегкое и мало изученное время.

4 августа 1922 года, в возрасте 23 лет, Лебедев Дмитрий умер от брюшного тифа в Одессе, о чем свидетельствует запись № 17110 от 5 августа 1922 года в книге записей смертей городского загса за 1922 год. В записи также указано, что Д. Лебедев был студентом, холост и проживал по адресу: ул. Внешняя, 36.

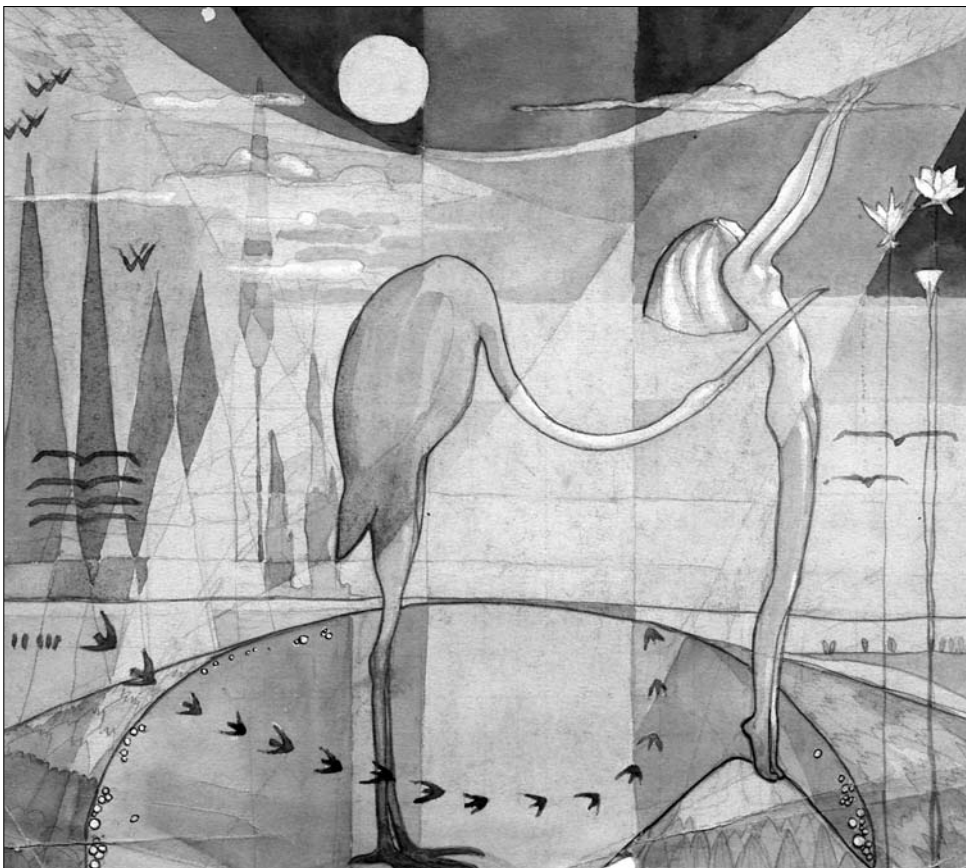
Завершаю этот краткий биографический очерк стихотворением, написанным отцом художника, "17 декабря 1923 года утром". Оно возникло явно под влиянием ужаса жизни — как явствует из текста, после смерти жены и сына, в предчувствии собственного конца. И важна здесь не поэтическая образность, не форма. Это потрясавший своей искренностью документ, в котором, на мой взгляд, передана как личная трагедия человека, так и трагедия целой эпохи.

Я пойду на могилу твою
И, склонясь над крестом сиротливым,
Расскажу тебе повесть мою,
Расскажу ее словом тоскливым.
Только долог ли будет рассказ?
Велика ль будет та моя повесть?
Расскажу я тебе, что у нас,
У людей, отморожена совесть,
Что я мерзну и нищим живу,
Что тебя позабыть не хочу я,
Что твой голос не раз наяву
Слышал я, как ребенок, тоскую.
Расскажу я еще, что наш сын
Умер также — на койке больницы,
Без меня и тебя — он один
Расставался с землей, горемычный.
И все думал, конечно, в тоске
Он о нас перед пастыю могильной.
Ты скончалась, и я вдалеке
Сам валялся, больной и бессильный.
Вот и повесть моя, милый друг,
Закрываю ее я слезами.
Подползет и ко мне злой недуг,
Может, скоро и я буду с вами.

Спустя полтора года после написания стихотворения Михаилом Владимировичем Лебедевым его ощущения обрели реальный смысл — он скончался 29 мая 1925 года.

Композиция.

Композиция.

Композиция — 47. 10,5 x 13, бумага, карандаш, 1918.

Амор. 9,8 x 15,6, бумага, тушь, 1918.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ Музыка сфер

Нет, это не джаз, не хоралы и фуги Баха, не мелодия Чайковского... Это трагическая попытка соединить видимое с невидимым, дать услышать немые колокола, тональными растяжками приблизить поэзию, звучащую в многоголосии Скрябина, в его музыке сопредельных сфер.

Таким мне представляется всетворчество (намеренно пишу это слово слитно) неведомого (не забытого, а неведомого!) художника Димитрия Лебедева.

Сто листов акварелей, сотни рисунков — наследие художника, пришедшее к нам в первоизданном виде через 90 лет. Мы давно уже перестали верить в чудеса. Но искренне признаюсь: для меня это — чудо. Более того, третья за начало XXI века. Коллекция Я. Перемежа вернула Одессе представление о масштабе Общества независимых художников; выставки Давида Тихолуза показали, что тихие, не замутненные суетой наших псевдоборений таланты живут среди нас и, увы, раскрывают свои подвалы за год до смерти, как было с Тихолузом. И, наконец, пришествие в наш мир Димитрия Лебедева.

Есть такое уже сложившееся и в философии, и в искусствоведении понятие — "русский космизм". У его истоков стоял Николай Федоров, автор труда "Философия общего дела". Его мысль о том, что человечество должно сфокусировать свою энергию на том, чтобы вернуть жизнь ушедшим поколениям, вдохновила не только Льва Толстого, но и Константина Циолковского, не только академика Владимира Вернадского, но и художника Василия Чекрыгина, поэта Николая Заболоцкого...

Думаю, нам уже не узнать, кто и как познакомил Димитрия Лебедева с идеями русского космизма. Но то, что он стал адептом, проводником, трагическим мучеником этой идеи — безусловно. И в его творчестве, а работал он каких-то пять — шесть лет, умер 23-летним, зазвучала чистая и тонкая, взволнованная и, безусловно, трагическая музыка сфер. Еще не создал В. Вернадский теорию "ноосферы", объединившую Землю и Космос, разум земной и небесный в единое целое, но всетворчество Д. Лебедева — это интуитивное осознание ноосферы, той самой, смысл которой Вернадский озвучил лишь в 1944 году.

А в 1919 году на выставке независимых художников Одессы четыре работы показал Димитрий Лебедев. Сохранились три эскиза к четвертой — "Колокола". Можно предположить, что это единственная работа молодого художника, ему было 20 лет, которая была куплена с выставки.

Но "Врата горизонта", "Восход солнца" и "Небесная корова", акварели, показанные в 1919 году и дошедшие до нас даже в первоизданном оформлении, как и эскизы "Колоколов", знакомят нас не с учеником, не с самоучкой, а со сложившимся профессиональным мастером, знающим, что он создает, и умеющим передать свое виденье космоса.

Александр Дмитренко коллекционирует автопортреты художников. В поисках очередного автопортрета он нашел семью, где хранилось наследие Д. Лебедева. Автопортрет был замечательный. Но внутреннее чутье

коллекционера подсказало Александру, что приобретать нужно весь комплекс работ. Думаю, что автопортрет, как и еще три — четыре точных, острых реалистических рисунка, убедили Кириака Костанди зачислить Д. Лебедева в училище. Знал бы старый мастер, что не реализм — путь молодого человека. А может быть, и знал, и мы недооцениваем провидческий талант Костанди, ведь, что ни говори, но весь одесский авангард прошел через его школу.

Итак, Лебедев дебютировал на выставке "независимых" в 1919 году. Общую настроенность авангардистов Одессы я бы характеризовал как путь от импрессионизма к фовизму, а затем и к кубизму. Почти никто не увлекся визионерством, поиски символистов, таких как Пюви де Шаванн, как Арнольд Бёклин, Микалоус Чюрленис, одесситам, пропитанным солнцем юга, были также чужды. Это общее рассуждение, общее правило, но именно поэтому в нем непременно должны быть исключения. Кстати, философ Николай Федоров учился в Одессе, в Ришельевской гимназии, и это было единственное учебное заведение в его биографии. Всё остальное — подвижническое самообразование. Так вот, еще одним исключением стал Димитрий Лебедев, одесский символист.

Сдержанные, в холодной гамме, работы. Трагизм не только в цвете, не только в продуманном названии картин (а это картины, в какой технике они ни были бы исполнены), трагизм в понимании ужаса эпохи. Но если немецкий философ Освальд Шпенглер предсказал "Закат Европы", то одесский юноша Димитрий Лебедев сопрягал земное и небесное и веровал в высший разум Космоса.

Сохранились страницы научно-фантастического романа Д. Лебедева. Мало того, что в нем действует Циолковский, это имя в 1920 году знали за пределами Калуги не миллионы, не тысячи, а сотни человек, Лебедев рисует иллюстрации, где предвидит свои конструкции дирижаблеподобных космолетов, соединяющих миры.

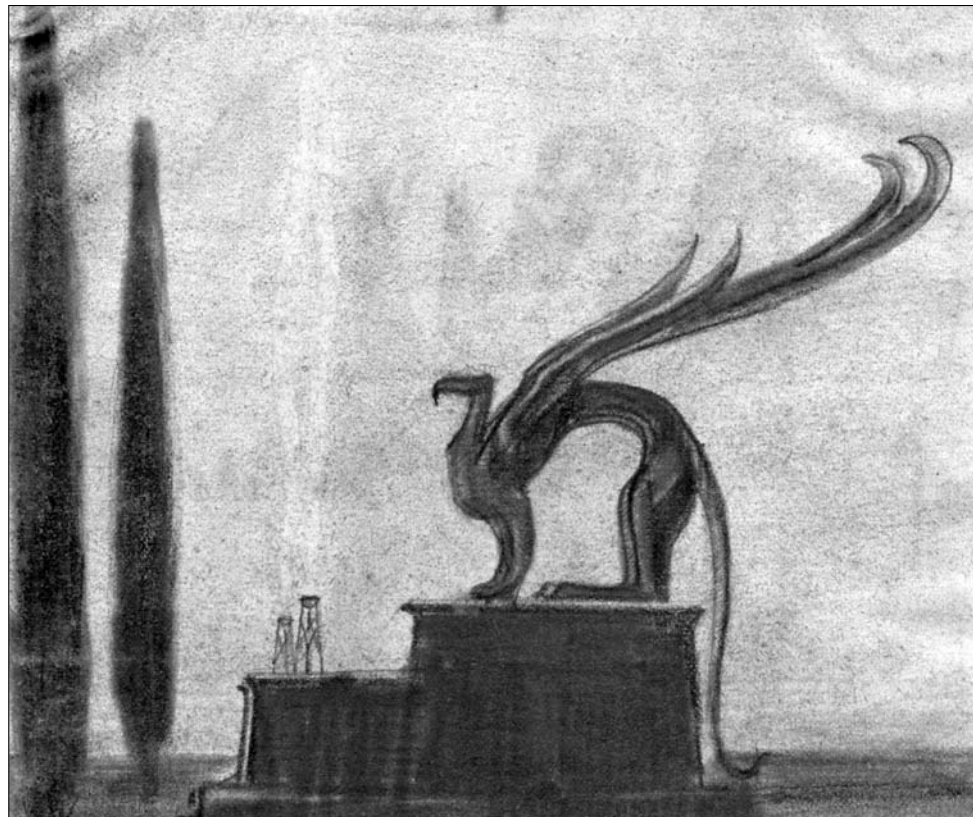
А миры художника дуалистичны. И в том, что это небо и земля, и в том, что в композициях присутствует двойничество, что мир не однозначен, в нем всегда есть противоречие и выбор.

Когда-то старые мастера часто обращались к теме "Пляски смерти". Димитрий Лебедев написал "Пляску жизни" (так и названа одна из его работ).

Чюрленис был его учителем в видении мира. Но, вглядываясь в акварели Лебедева, я вижу, что и Георгий Цомакион, и Олег Соколов гордились бы таким предшественником.

Один архив. Одна находка. Но как она расширила наше представление о художественных поисках в переломные годы, когда мир встал на дыбы.

Александр Дмитренко очень точно назвал эту экспозицию выставкой-исследованием. Удивительно и то, что перед нами предстает не просто незаурядный художник, о возрасте которого забываешь, а единое всетворчество, где нет начала и конца — а есть преклонение перед тем, какими огненными столпами из века в век говорит звезда со звездой и с человеком, услышавшим музыку сфер.

Композиция — 14. 13 x 14,4, бумага, карандаш, 1918 (Requiem 2).

Александр ДОРОШЕНКО

Отче наш

- Где Бог? На небе?
- Он, должно быть, везде.
- Почему он не покарает Гитлера?
- Он не карает никого. Он создал и кошку, и мышь. Кошка не может есть траву, она должна есть мясо. Это не ее вина, что она убивает мышей. И мышка не виновата. Он создал волков и овец, резников и цыплят, ноги и червяков, на которых они наступают.
- Бог не добрый?
- Не так, как мы это понимаем.
- У него нет жалости?
- Не так, как нам это представляется.

Абель Пэнн, из цикла "Сосуд слез".

Он вышел на крыльцо, плотно закрыл за собой дверь и достал из-под ворота шинели сигареты и сделанную из стреляной гильзы зажигалку. Дело было в январе сорок второго года в городе, расположенном между западом и востоком, над теплым морем, во что трудно было сейчас поверить, потому что оно было покрыто льдом. Это был вполне еврейский город, судя по его прямым улицам и прямоугольным перекресткам, по домам в узнаваемых архитектурных стилях. Он за последние годы насмотрелся на лучшие города Европы. По привычке, появившейся у него в последнее время, он тут же про себя уточнил: через прорезь прицела.

Он стоял на крыльце, у закрытых дверей, от которых тянуло теплом и паром. Здесь, на улице, было очень холодно, мороз схватывал лицо и пытался забраться за воротник. Но человек вышел из тепла помещения ненадолго и мог потерпеть. Он был одет в шинель и сапоги, поверх поднятого воротника шинели был туго повязан теплый шерстяной шарф. Так мама повязывала ему шарф на морозе, когда он был маленьким. Этого по-настоящему делать не полагалось, потому что форма есть форма, но таких холодов здесь, как говорят горожане, не было последних лет тридцать.

Он видел два костра, один налево, за перекрестком, и там были немецкие солдаты, и один вправо, по его стороне улицы, и вокруг него тоже стояли и грелись немцы, чуть переминаясь с ноги на ногу. Все патрули в городе были немецкие. Собственно, немецкая армия и взяла город, перед которым так долго топтались румыны. Теперь румыны были в городе, который принадлежал им. Вороватые мелкие крысы, сказал он про себя. Он не любил, как и все ребята их роты, этих румын.

Он был одет в форму солдата немецкой армии, вермахта. Он был строен и молод, и сейчас, прикуривая сигарету и разглядывая из-под ладони длинную узкую улицу, далеко тянущуюся в обе стороны, он невольно улыбался своим мыслям. У него были прямые брови и хорошая линия подбородка и рта. Он вспоминал дом и мать, думая, чем она сейчас занята там, в нереально далеком Кельне, где было все иным, своим, уютным, и улыбался, прислушиваясь к голосам ребят своей роты, слышимым из-за тяжелой двери. Эта пивная, или, как здесь ее по-смешному называли, бodega, была сейчас его родным домом, оплотом и чувством родины, единственной родины, которая есть на войне у солдата. Это как окоп, подумал он, где все вместе и всё общее: еда, слово и смерть.

Он вспомнил любимые с детства приключенческие романы об американских индейцах и знаменитых путешественниках, мужественно проникавших в неведомые человеку новые земли, где на каждом шагу приходилось сражаться, где каждый белый был братом, потому что был белым, своим в мире этих случайных существ, аборигенов. Ну что ж, путешествий ему теперь вполне хватало.

Он часто теперь задумывался о том, что на самом деле сближает людей. Он знал, что сближают совместно пережитая опасность и предстоящая смерть. В этих краях восточных варваров они были единственными представителями старой культуры. Тут он улыбнулся, вспомнив своих друзей, голоса которых доносились из-за закрытых дверей. Конечно не все они такие уж и представители культуры, особенно Ганс, бывший мясник, или булочник Герман, голос которого гремел там, в зале пивной, но это были, что ни говори, свои ребята, надежные, как приклад автомата или холодный пулеметный ствол.

Он увидел, как из-за угла дома вышла женщина с малышом. Ребенок был плотно закутан в пальто, обут в высокие ботиночки, и на голове была шапка с наушниками, плотно обтягивающая лицо. Отсюда трудно было определить, девочка это или мальчишка. Женщина шла быстро и тянула за руку ре-

бенка. Она увидела его и взяла ребенка на руки. Он понял: так она могла идти быстрее, она хотела скорее его миновать.

Он понимал, что местные жители опасаются солдат. Конечно, это из-за румын, подумал он, наши ребята не обидят женщину с ребенком. Они, немецкие солдаты, от этих мелких, разболтанных и вороватых румын отличались всем — выправкой, поведением, силой и уверенностью. Они не имели никаких дел с румынами и в душе их презирали. Он вчера видел, как румынский офицер бил солдата по лицу длинным стеком и что-то кричал. По лицу румынского солдата, взрослого человека, стоявшего навзрыж, текли слезы.

Он успел рассмотреть лицо женщины, прошедшей мимо. Она не глядела на него и шла быстро, плотно сжав губы. Мальчишка, теперь он увидел, что это мальчик, обнимал ее за шею. Жаль, он мог бы сказать ей что-нибудь благожелательное, мог бы погладить ребенка по голове. Мог бы ободричь. У него в семье было много детей, и он привык заботиться о младших. Дома, в Германии, сейчас тоже много одиноких женщин с детьми.

Он с сожалением посмотрел вслед этой русской. Они оба были смешно одеты-закутаны в шубки из одинакового материала, под пятнистого леопарда, в этом было что-то домашнее, уютное, располагавшее к доброй улыбке...

Он толкнул дверь бodega и вошел в шумный зал, встреченный веселыми голосами сослуживцев и звуками скрипки, на которой пиликал какой-то румын, или цыган, или еврей, хотя насчет евреев он знал, что это вряд ли. И уже сидя среди друзей-камадров, вставляя слова в их песни, он почему-то все продолжал видеть эту торопящуюся женщину с малышом, и шла она так быстро мимо него, потому что его боялась. Он сидел, согривался, потягивал пиво и все пытался понять, чего она так испугалась. Он видел пустую длинную улицу, вымерзшую до основания камня на ее булыжной мостовой, и женщину с малышом, торопящуюся уйти с его глаз...

Он, молодой солдат вермахта, так никогда и не понял, что сама судьба провела мимо него одинокую женщину с малышом, искавшую спасения от смерти, судьба вела ее за руку по длинной, безлюдной и безнадежной Канатной улице, размазывая спасительную нить, чтобы свести воедино гонимых и возможного спасителя, единственного солдата вермахта, единственного немца в Городе и, возможно, единственного немца, еще способного понять и спасти.

Он, Генрих Бёль, написал потом множество книг — о людях, о доброте и гуманизме, о человечности, но все, что он написал, было написано с опозданием, он так никогда и не совершил главного, чего потребовала от него судьба, того единственного поступка, которым можно было бы спасти мир людей. И это о нем сказано Екклесиастом: умножающий книги умножает скорби!

Она шла теперь по Канатной, здесь меньше людей, меньше встречных глаз, и шла быстро, почти бежала. Ей надо было так дойти, нигде не сворачивая, до Пироговской, а там свернуть влево. Дом, куда она хотела попасть, где жила ее приятельница, был справа по ходу Пироговской, перед самым Французским бульваром. Она его хорошо помнила, хоть и была там всего два раза, с мужем и мальчиком, это был высокий дом, построенный прямоугольником, и в нем узкий и длинный двор, которым ей надо будет пройти в самый конец, потом влево, в предпоследнее парадное, и по лестнице подняться на третий этаж.

Она шла так с самого утра, уйдя с мальчиком из дому, где нельзя было оставаться, потому что в расклеенных приказах за это еврейя полагалась смертная казнь, а она была еврейкой. Мальчик, ее сын, был только наполовину евреем, его отец, русский, был в Красной Армии, но она знала, что спасти мальчика это не могло. Смерть полагалась ему по рождению.

Она последний раз прошла по двум комнатам, несколько лет бывшим их домом, глядя на вещи, купленные и расставленные с такой любовью. Она написала на листочке в клеточку, вырванном из школьной тетради, крупными неровными буквами, чтобы те, кто войдет в дом, не выгоняли собаку, маленького пушистого Тобика, что он добрый, что он к ним привыкнет. Она оставила ему еду в мисочке и налила во вторую воды. Маленький пушистый любимец, он стоял на выходе с поводком в зубах и присосался к ним... Лист этот она оставила на столе, прижав его краем графина.

Она шла и видела, как одновременно с ней люди покидали свои дома. Шли женщины с детьми, шли старики и старухи, шли здоровые и больные. Шли молча, никто не переговаривался. Не плакал, не здоровался и не прощался. Шли в одном направлении, в сторону Слободки, где прямо за глубокой Балкой, немного выше по ее противоположному склону, румынами было устроено гетто. Люди шли семьями, несли с собой узелки, или сумки, или небольшие чемоданы, а некоторые тянули санки с поклажей. Одна девочка несла с собою кошку, мордочка которой смешно выглядывала из-за воротника ее шубки. Девочка была рыженькая, это было заметно по волосам, выбившимся из-под шапочки, и кошка тоже была рыжей. Снега не было, и санки скрежетали полозьями о булыжники мостовых. Снега не было, но улица стала белой от узлов и подушек. Евреи шли в гетто, устроенное в бывшем морском экипаже и соседних к нему домах на Слободке. Была утренняя холодная тишина. Изморозь покрывала стены домов и стволы и ветви деревьев. Виноградные стволы, ползущие по стенам домов на решетки балконов, были белы от холода и извивались, как змеи. Люди шли в полной тишине. Их никто не подгонял. На них не обращали никакого внимания редкие встречные прохожие. Даже не оглядывались, как будто ничего странного не происходило. За ними не наблюдали солдаты. Этих людей, женщина это знала, гнала из дому сама Смерть. Ведь Смерть — это холодная белая дама, у нее легкая походка и внимательные волчьи глаза.

Она не чувствовала страха. Это было иное, страшнее любого страха. Люди исчезли, остались только обледенелые камни. Исчезло земное тепло, без надежды на возвращение. Исчезло привычное человечество, даже не плохое или хорошее, исчезло полностью все. Безвозвратно. Это случилось всего за десять — пятнадцать дней.

Она несколько раз передохнула, и они согрелись. Первый раз это было в молочной лавке на Греческой, где малыш пил теплое молоко и поспал. Они сидели там почти час, хозяйка их не трогала и вопросов не задавала, а людей за это время в лавку вошло лишь несколько. Она не боялась, потому что они с мальчиком не были похожи на евреев, они не бросались в глаза. Еврей с явными еврейскими чертами не мог теперь находиться в квартире или в помещении, еврей мог быть только на улице и только на пути в гетто. Такой теперь был закон, и некоторые люди в городе его приняли с радостью, а остальные — покорно и молча.

(Она с ребенком стала теперь навязчивым моим сном. Мне видится, как она идет нашими улицами, выходит каждое утро и идет, ведя за собой мальчишку, идет и ищет людей... Идет безостановочно, у нас длинные прямые улицы, человека на них можно увидеть издалека, но тогда это были безлюдные улицы. Сейчас вновь декабрь, именно эти самые дни, как семьдесят лет назад, холодно и рано темнеет, и, когда я иду нашими улицами следом за ними, женщиной и ее ребенком, странным образом с этих улиц исчезают люди. Я иду пустыми, холодными улицами и пытаюсь их, идущих впереди, разглядеть. Иногда это получается, и тогда я успеваю заметить, как они сворачивают с Канатной на Пироговскую. Я выбегаю на этот угол и, повернув, успеваю заметить, как они, их тень, исчезают за поворотом на Французский бульвар. Иногда в этом сне ее место занимает моя мама, украинка, она идет и не сет на руках меня, еврея по отцу, спасая от неминуемой смерти. Если бы они с отцом не покинули перед войной город, я мог бы родиться здесь в самый канун войны.)

Она потом была в кинотеатре, на Екатерининской, она пугалась теперь в названиях, потому что никто уже не называл эту улицу именем Маркса, а старое название еще не вернулось. Она там просидела два сеанса, и малыш поспал и согрелся. Показывали хронику с танками и выстрелами, и танки куда-то прямо лезли, в гору, останавливаясь и стреляя. И какую-то кинокомедию с капризной красавицей, время от времени певшей и весело танцевавшей. Ей не удалось поспать, потому что в зале было полно немецких солдат и невесть откуда взявшихся наших проституток. Было шумно, и пахло спиртным и едой. Она была голодна. Румын в кинотеатре не было. Вообще румыны как-то тушевались перед немецкими солдатами.

Она увидела от угла Греческой немца, стоящего на ступеньках у пивной, и ускорила шаг. Сейчас, в темноте, дни стали совсем короткими, еще даже не наступил вечер, а улица была уже темной, и от этого казалась еще более холодной, чем при блеклом солнечном свете.

Она хотела миновать этого немца быстрее, ей показалось, что он ее и мальчика внимательно разглядывает.

Она не смогла войти в этот спасительный дом. Немцы там устроили облаву, и вход был перекрыт. Она прошла мимо и свернула по

Французскому бульвару в сторону парка. И, войдя в парк, миновав детскую железную дорогу, пошла влево по широкой аллее, ведущей в город. Дальше ей пути не было. После восьми вечера на улицах города было запрещено появляться, под угрозой расстрела.

Она села на скамью, летнюю деревянную скамью. Это на продольной парковой аллее, не доходя стадиона, со стороны обсерватории, первая скамья слева. Скамья имела литую металлическую раму, на которую были положены толстые деревянные брусья. Летняя скамья для парка отдыха. Сидеть на дереве не так холодно, как на металле. Парки в Одессе летние, в них начиная с осени людей бывает не много. Зимой парки засыпают. Было уже совсем темно. Внизу, под обрывом, чувствовалось присутствие ледяного замерзшего моря. Оно было даже холоднее, чем всё вокруг. Оно стягивало в себя холод с крутых городских склонов.

Она и мальчик замерзли в этом парке. Ее имя и имя мальчишки не сохранились. Я читал, что замерзающий человек с какого-то мгновения перестает чувствовать холод. Ему становится тепло и уютно. Тогда человек засыпает спокойным, погружаясь в сладкий сон, где наконец-то тепло. Это все даровано нам Богом, и это последнее земное тепло — тоже Его подарок.

Он, бывший солдат вермахта, выжил и вернулся с войны. Вернулся домой, в свой родной, основанный евреями город Кёльн. Стал писателем, и имя его теперь известно каждому культурному европейцу. Его зовут Генрих Бёль. Вы, наверное, читали что-нибудь, он написал много. Ну, не читали, так слышали от знакомых. Немецкий писатель, нобелевский лауреат Генрих Бёль.

Он никогда об этой истории не узнал. Если бы узнал, он потерял бы возможность писать, я знаю это, потому что он оказался хорошим писателем. У него было дарование, а дарование не дается вот так, каждому и даром.

А "Отче наш" — это было началом утренней передачи. Городской, потому что город Одесса теперь и уже навсегда стал румынский город, потому что румыны были тоже православные христиане и, значит, братья, потому что они вернули городу мирную тишину и надежду на долгую мирную жизнь без красных большевиков-убийц. Каждое утро из репродукторов, установленных на городских перекрестках, советских еще репродукторов, из которых еще вчера раздавались бодрые голоса, обещающие, что город будет только советским и навсегда советским, что мы не сдадимся и не сдадим город врагу, из этих самых репродукторов раздавался громкий крик петуха, а потом детский девичий голос читал эту молитву, читал ее, правда, на румынском, потому что жители теперь должны были перейти на румынский, родной их новый язык.

Крик петуха теперь будил по утрам горожан, и каждый день начинался христианской молитвой. Крик петуха был христианским символом веры, именно так, по петушному крику, апостол Петр трижды отрекся от Учителя. Было очень холодно в ту страшную ночь на холмах под Иерусалимом. Лет тридцать не было таких холодов, горели костры, солдаты грели у костров руки, и Петр подошел погреться к такому костру. Его узнали по выговору, галилеяне говорили для этих мест с акцентом, впрочем, как и всегда евреи говорили с акцентом, слышимым уху других народов. Его спросили, не из людей ли он, что были с Иисусом, и он сказал "нет". Так трижды спрашивали, и, когда в третий раз он сказал "нет", закричал петух.

Женщина с ребенком в одной руке и чемоданчиком в другой вышла этим утром на холодную улицу именно в тот самый момент, когда закричал петух. Это ведь хорошая примета — услышать с утра слова молитвы. Особенно — в рождественские дни.

И когда проезжавшая продольной аллеей парка машина, открытая, советской модели, остановилась у деревянной скамейки, чтобы подобрать и бросить в кузов замерзшие тела женщины и ребенка, был именно тот утренний час, когда с небес к земле сошел голос, детский, полный надежды и упования, сошел, ниспавшая мягко вибрирующим конусом, нежно касаясь грешной земли святыми словами надежды и упования:

Отче наш, иже еси на небесах,
Да святится имя Твое,
Да придет царствие Твое
И на земле, как на небе.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу, обнявшись, и мать, расстегнув шубку, охватила ее полами ребенка и так уснула. Он уснул немного раньше и, засыпая, что-то бормотал, согревшись, что-то насчет того, как хорошо быть, наконец, дома, в своей кровати, что рядом Тобик...

Если там, на небе, так же, как здесь, на земле, кому оно нужно, такое небо?!

Этот рассказ написан по мотивам рассказа В. Катаева "Огонек", 1946 г.

Вероника КОВАЛЬ

Вверх по улице Чукурджума

"28 апреля 2012 года в Стамбуле открылся Музей невинности, созданный Орханом Памуком" (из газет).

"Что за странное название, и что может быть в этом музее?" — скорее всего, только эти вопросы и мелькнут в голове несведущего человека. А у меня эти две строчки вызвали бурю эмоций. Вмиг вспыхнули воспоминания о внезапной моей увлеченности...

Начать, однако, нужно с того, что неугомонный Виктор Иванович Глушаков, основатель и директор музея Паустовского в Одессе, задумал провести международную конференцию, посвященную 70-летию со дня выхода в свет повести Константина Георгиевича "Чёрное море", ближе, так сказать, к первоисточнику. Судходная компания "Укрферри" пошла навстречу. И вот мы — ученые-филологи, преподаватели университетов и школ, журналисты — любимые с палубы парома "Каледония", бойко идущего по маршруту Одесса — Стамбул, белым кружком пены за кормой, мгновенным полетом вынырнувших афалин, черным с белыми прожилками мрамором ночных волн вдалеке от борта.

Жаль, но придется наступить на горло собственной песне. Предисловие не следует затягивать.

Итак, Стамбул. Красоты его известны. Для одесситов съездить в Турцию — что на рынок "Седьмой километр". Взять хотя бы тот факт, что путешественник "Стамбул за два дня" написал одессит Закир Калмыков (с ним мы познакомились в этом путешествии). Не стану повторять разражированные описания красот мощной Айя-Софии, затейливой Голубой мечети, роскошных дворцов Топкапы, гробницы Роксоланы и прочего. Лишь несколько импрессионистических штрихов, выражающих, скорее, эмоции, чем видимое глазу. Помнится, как пронзила меня загадочность чёрных омутов в подземном хранилище воды Йеребатан, где жёлтыми хризантемами вспыхивали отражения светильников... Как захватило дух от круговой панорамы Стамбула, открывающейся с Галатской башни... Как защемило сердце в бесшумном голубом трамвае от нежного названия улицы — Лалели. Но — странное дело! — сколь ярко были впечатления о городе, столь чужими и непонятными остались люди. Запомнились только масса клерков, спешащих на работу в стандартных чёрных костюмах, женщины в хиджабах по дороге на рынок, жирные коты у ведер с уловом на Галатском мосту.

Спустя месяц в Одессе я увидела книгу "Стамбул: город воспоминаний". 2003 год. Автор — Орхан Памук. Это имя мне ничего не говорило. Но разве можно пройти мимо сочинения, напоминающего о путешествии!

Во вступлении говорилось, что Орхан Памук — выдающийся представитель современной турецкой и мировой литературы. Что он своими книгами открыл для мира Турцию. Что на родине его подвергают преследованиям за признание (вопреки официальной идеологии) геноцида армян в 1915 году. На обложке — фотография автора. Европейский костюм, очки в тонкой оправе... Его облик дышал интеллигентностью, достоинством. Хотелось смотреть и смотреть в его глаза.

А роман?

Я влезла в него по уши. Меня словно втянуло в воронку, где вязкая вода медленно, тягуче, но притягательно заставляла идти по её течению. То была автобиография Памука, рождённого в состоятельной семье стамбульцев в 1952 году. Изложение жизни — его, родителей, многочисленной родни — вплетено в ткань повествования о городе, рассказа неспешного, с бытовыми подробностями, с передачей собственных ощущений — вплоть до запаха и вкуса.

Поклоение Памука выросло в напряжённое для Турции время реформ — после прихода в 1925 году к власти Мустафы Кемалю Ататюрка, ставшего национальным лидером. Шла затянувшаяся, невидимая чужому глазу, но упорная борьба вековых традиций Османской империи, основанных на султанате и мусульманской культуре, с демократией и культурой европейского типа, которую настойчиво и жёстко внедрял Ататюрк. На неё накладывалось извечное противостояние христианской и мусульманской религий. Константинополь (Царьград) и Стамбул так и не стали едины, хотя каждый день шустрые катера перевозят рабочих по Босфору из Европы в Азию и обратно. Из развалин христианских храмов проросли иные святыни. Однако дух Турции — это не дух торжествующего победителя. Как пишет Памук, "после распада Османской империи мир почти забыл о Стамбуле. Мой город был как никогда бедным, заброшенным и одиноким. Для меня он всегда останется городом руин и меланхолии имперского заката. И я всю жизнь боролся

с этой меланхолией или же (как многие стамбульцы) сживаюсь с ней". Это состояние писатель определяет турецким словом "хю-зюн" — грусть, печаль.

Однако летописец города поэтизирует подобный настрой, приводит читателя в удивление и восхищение, а отнюдь не к ощущению унижающего сострадания. Каждая страница книги распахивала для меня двери и окна стамбульских семейств. Я изнутри видела их ежедневную жизнь, наблюдала нравы, привычки, конфликты, любовные сцены. Понимала чуждую речь и неизменно грустные напевы. Шла через лабиринты человеческих судеб и страстей. Порою было ощущение, что я становилась частью того существования. И я все сильнее понимала, что сущность человека одинакова, где бы он ни жил, к какой бы расе ни принадлежал.

ТАК мог показать жизнь только большой писатель.

После книги "Стамбул: город воспоминаний" талант Памука был безоговорочно признан и читателями, и критиками, и литераторами. Писатель является лауреатом многочисленных национальных и международных литературных премий. Его книги переведены на более чем 50 языков. В 2006 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой: "Автору, который в поисках меланхолической души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур". Вполне заслуженная награда,

без вмешательства политической конъюнктуры и личных симпатий!

А теперь — об уникальной особенности творчества Орхана Памука.

Она в том, что автор приковывает наше внимание к тысячам мелочей. Слово лучом фонарика, он высвечивает на страницах книг мелкие предметы быта. В комнатах — статуэтки, книги, джезвы, часы, лампы, шкатулки, фотографии на стенах, безделушки, трубки, календари, флаконы духов и пудреницы на туалетных столиках... В театрах — афиши и программки, монетки, ордена мужчин и украшения на дамах... В ресторанах — меню, пепельницы, сигареты и вина, бокалы, тарелки, салфетки, ножи и ножички... Каждую вещь Памук описывает так подробно и "вкусно", что вспоминается выражение Р.М. Рильке: предмет, включённый художником в натюрморт, становится личностью. А среда, в которую Памуком вещи включены, становится для читателей почти осязаемой и потому потрясающе убедительной.

Откуда такая любовь к вещному миру? Откуда такое его знание?

Сам Памук говорит, что в нем с детства живет страсть к собиранию предметов быта. Сначала он загромождал ими дом, затем стал выносить в нежилую квартиру. С годами набор вещей сам собой превратился в коллекцию, а коллекция — в символику жизни стамбульцев 1950-х-2000-х годов.

Я принялась читать другие произведения Памука — "Белую башню", "Снег", "Чёрную книгу", "Меня зовут Красный". (Интересно: почти все названия "окрашены" в разные цвета. И не случайно: Орхан с детства любил живопись, учился на архитектурном факультете.) Некоторые из них трудно назвать романами, так сплавлен сюжет с легендами, летописями, философскими и религиозными трудами (коих он великий знаток). Другие романы остро современны. Трудно разобраться в действиях и воззрениях различных политических сил турецкого общества, однако, по сути это имею-

щая политический оттенок та же борьба патриархального и современного, Востока и Запада. И во всех произведениях Памук снова и снова возвращает нас в Стамбул, в районы Бейоглу и Нишанташи, где прошло его детство, в лавку старьевщика Аладдина, где он покупал шарики, переводные картинки, копеечные игрушки, пожелтые номера старых газет и журналов (оказавшиеся впоследствии для него бесценным источником изучения той жизни).

В 2008 году промелькнула информация, что писатель после десятилетней работы выпускает новый роман — "Музей невинности". Название поставило меня в тупик непонятностью смысла, но разбудило жгучее любопытство. Читать, читать! Вскоре вышел перевод на русский (произведения Памука переводчики и издатели расхватают).

Я как раз опять собиралась в Стамбул, на этот раз — с группой одесских художников. И надо же — мне с проводником передает эту книгу приятельница из Москвы, знающая о моей увлеченности. Роман оказался толстым, в 600 страниц. Дома я успела "проглотить" страниц сто, дочитывала в дороге. Для меня уже не существовали ночное море, солнечные ванны на верхней палубе, вечерние разговоры. Я читала. Взахлёб.

Сюжет романа: Кемаль, молодой представитель империи текстильных "королей" (кстати, "памук" — это "хлопок"), преуспевающий, готовит к помолвке с красавицей-аристократкой,

как родственника. Такие вечера длятся семь лет! "Статус-кво" только однажды нарушает просьба Фюсун дать деньги на фильм, где муж — автор сценария и режиссер, а она будет играть главную роль. Кемаль готов стать спонсором, но, оказывается, и он, и муж не хотят, чтобы Фюсун окунулась в мир богемы. Под разными предложениями он не даёт денег.

Все эти годы Кемаль тайно выносит из дома безделушки, заменяя их покупными. Семейство делает вид, что ничего не замечает. Необычно описывает автор эти обычные бесконечные вечера. Например, есть глава, которая называется "Иногда". Вот небольшой отрывок: "Иногда мы ничего не делали и сидели молча. Иногда Тарык-бею, да и всем нам, передача казалась скучной, и он принимался читать газету. Иногда вниз по улице с шумом, гудя, ехал автомобиль, а мы замолкали. Иногда шёл дождь, и мы прислушивались к ударам капель по стеклу. Иногда тетя Несибэ забывала, что в пепельнице — недокуренная сигарета, и закуривала на кухне ещё одну. Иногда в рекламе по телевидению показывалась женщина, которая расхваливала именно то, что мы ели за ужином. Иногда вдали раздавался взрыв. Иногда Фюсун так изящно зевала, и все на свете для меня прекращало существовать, я представлял, что во вздохе из глубин ее души исходит покой, как прохладная вода из колодца в летний день".

Отчего не надоедает это бытописание? Оттого, что проза Памука обладает неизъяснимым волшебством. К ней не приклеишь литературоведческий ярлык. Могу сказать одно: писатель достиг высшей степени творческой свободы, когда техника растворяется в мастерстве...

Кемаль узнаёт, что "муж" — просто друг детства Фюсун, брак их фиктивен, чтобы она могла потом выйти замуж, будучи женщиной (добрые отношения в те годы сурово осуждались). Такое известие побуждает Кемаль сделать ей предложение руки и сердца. Она раздумывает.

Заканчивала я чтение, когда уже показался Золотой рог, потянулись прилепившиеся друг к другу особняки на набережной. А я переживала трагическую гибель (или самоубийство?) героини романа.

Кемаль в память о любимой решает купить дом родителей Фюсун и превратить его в музей того, что её окружало, в Музей невинности. Памук изобразил в романе и себя — как архитектора, которому Кемаль рассказал историю своей любви и попросил помочь создать экспозицию. На последних страницах книги указывались адрес музея, подробный план района и даже образец входного билета...

Нужно ли говорить, что на следующее утро я с книжкой подмышкой отправилась в Музей невинности? Прохожие старательно всматривались в план и где на плохом английском, где жестами указывали мне путь. Оказалось, Чукурджума находится не так уж далеко от причала, где ошвартовался наш паром.

Вверх, вверх по шербатым ступеням лестницы, булыжникам мостовой, мимо глухонемого старика, который на мой вопрос только развел руками и улыбнулся, мимо антикварной лавчонки (не Аладдина ли?), мимо витрины с лепешками, густо обсыпанными кунжутом. Вот и он, дом, который я ищу. Двухэтажный — верхний этаж с эркером значительно солидней, чем первый. Здесь семь лет происходили встречи Кемали и Фюсун.

Где же вход в музей?

Все двери наглухо заперты, большие окна забиты досками... Я заглянула в щель и увидела пустую бутылку из-под лимонада, тряпье, бумажки. В чем дело? Кого спросить? Навстречу мне шла турчанка, закутанная в чёрное с головы до ног. Что ей скажет паролль "Орхан Памук"?

Трудно передать разочарование, которое я испытала. Неужели это фантом, плод творческого воображения писателя? Зачем тогда конкретный адрес? Я ничего не понимала. Покинула Стамбул с чувством досады.

Вскоре Памук приехал в Москву на презентацию романа и встретился с читателями в книжном магазине на Арбате. Так я впервые увидела и услышала его по телевидению. Я нашла в Интернете его сайт и попросила раскрыть тайну дома. Конечно, моё письмо затерялось в обильной почте мэтра.

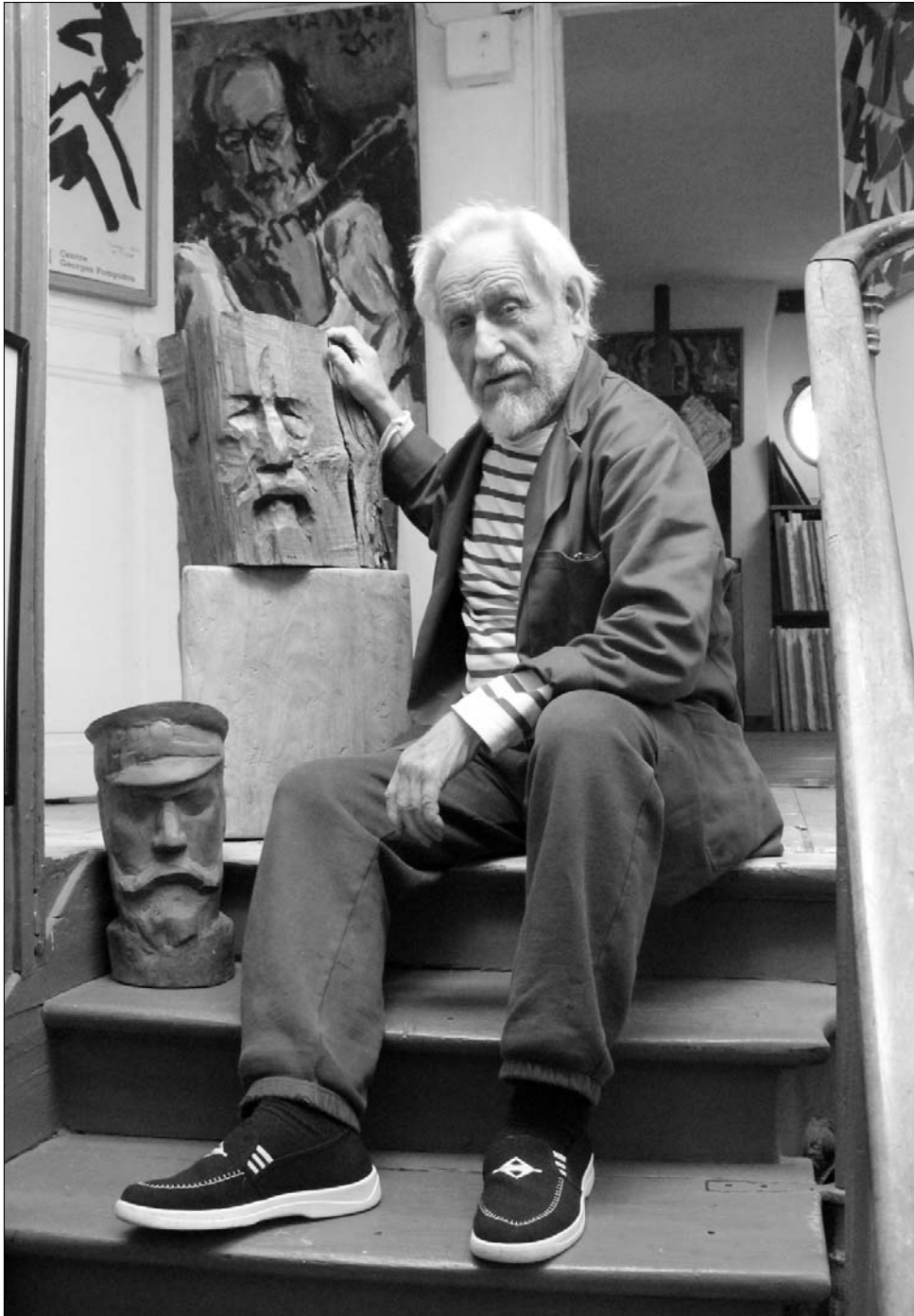
И вот тайна раскрыта. Памук, как он сам рассказал на сайте, работал эти годы над экспозицией будущего Музея невинности, к тому же были финансовые трудности, хотя он всю Нобелевскую премию вложил в своё детище. И всё-таки писатель добился цели! По сути, это музей того вещного мира, в котором протекала жизнь не одного поколения стамбульцев, и предметы из которого Орхан собирал долгие годы. Судя по фотографиям в Интернете, экспозицию Памук построил по его собственному принципу: "Наши музеи должны показывать нашу собственную жизнь. Чтобы гордиться ею".

Мне просто необходимо побывать третий раз в Стамбуле!

Евгений ДЕМЕНОК

Летописец русского Парижа

Николай Егорович Дронников. По словам известного французского поэта и переводчика Леона Робеля — "самый русский из французских и самый французский из русских художников".

Вот уже сорок лет Николай Дронников живёт в Париже. Он уехал в 1972 году, прервав успешно начавшуюся в СССР карьеру, уничтожив перед этим значительную часть сделанных на родине работ. "Приехал закончить образование — по совету Шагала", — говорит сам художник.

На новом месте всегда трудно начинать — а ещё труднее состояться. Николай Дронников состоялся — не только как художник, создавший прекрасные циклы парижских пейзажей и уже вошедший в историю как автор уникальной серии портретов знаменитых россиян, но и как писатель, издатель, прожекторщик... Приехав в Париж, он поставил перед собой задачу не только узнать о русской эмиграции и эмигрантах всё то, что замалчивалось в Союзе, но и донести эту информацию до всех тех, кто в ней нуждался. В начале 80-х Николай Егорович составил и опубликовал шесть номеров сборника "Статистика России. 1907 — 1917 годы", где представлены интереснейшие данные, замалчивавшиеся тогда в СССР. В своей уникальной домашней типографии Дронников издал более шестидесяти книг с текстами Геннадия Айги и Елены Гуро, Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, своими воспоминаниями и рисунками.

А в своём ставшем легендарным цикле портретов, которые он делал только и обязательно с натуры, Николай Дронников запечатлел Иосифа Бродского и Александра Солженицына, Геннадия Айги и Виктора Некрасова, Владимира Высоцкого и Булата Окуджаву, Андрея Тарковского и Андрея Синявского, Святослава Рихтера и Мстислава Ростроповича — и ещё многих, многих других. "Сегодня моя портретная галерея насчитывает около тысячи портретов — настоящая энциклопедия русской жизни во Франции", — говорит художник.

Николай Дронников любит Одессу, а одеситы отвечают ему взаимностью. Только за

последние десять лет в нашем городе состоялись четыре выставки его иллюстраций, графики и живописи. Он является почётным членом Всемирного клуба одесситов и членом редколлегий альманаха "Мория". Тесная дружба и общение с поэтом Игорем Поточким принесли свои замечательные плоды — многократно уже переизданная повесть Игоря "Улица Розье" немыслима без иллюстраций Николая Дронникова; Игорь за последние годы выпустил в нашем городе пять книг с текстами и рисунками художника.

Прошлой осенью мне повезло — я несколько раз бывал у Николая Егоровича дома. Идея взять интервью возникла спонтанно — я понял, что просто обязан это сделать. Представляю вашему вниманию нашу беседу.

— Николай Егорович, давайте начнём с самого начала. С чего начался ваш путь в искусстве?

— Давай возьмём шире — как я открыл для себя культуру, и не только русскую культуру. Я рано начал читать по-немецки. Мой старший брат хорошо учился в школе, и я тянулся за ним. Мне к началу войны было 10 лет. И вдруг — война с немцами. Но немецкая культура всё равно меня привлекала, я никогда от неё не отказываюсь — ни от художников, ни от мыслителей, ни от музыкантов. Для меня это очень высокая культура. Я же всё-таки крестьянского происхождения.

И тут брат притащил домой книгу "Наполеон" академика Тарле — её только издали.

— Шикарная книжка.

— Да, шикарная. А она как раз за месяц до войны вышла. И вот представь — война, мне 11 с половиной лет, и я всю её проштудировал и даже стал Кодексом Наполеона искать. Вот так французская культура начала в меня проникать. А тут ещё брат притащил толстый том Мопассана — "Милый друг" и всё такое прочее. Я всё это тогда уже прочитал. У брата было много альбомов по искусству — и немецкому, и французскому. Я уже многих художников знал к тому времени — и Добужин-

ского, и Бенуа... Брат учился в художественном училище памяти 1905 года, на Сретенке, в которое и я потом поступил — из-за него, конечно. Но учиться рисовать мы начинали ещё в студии Дома пионеров на Большой Поланке. И там брат начал писать маслом на холстах — отступление французов из Москвы, это была зима 41-го, и второй холст у него был — "Бородино". Темы понятны — шла война. Моего педагога по скульптуре взяли в ополчение, и он сразу погиб под Москвой. И уже тогда преподаватель студии лепки выставил мою скульптуру "Весна" — отлитый из гипса мальчик запускает кораблик — и выставил за две недели до начала войны. Мне было десять, в августе уже одиннадцать. Он сам отлил его в гипсе из моей глиняной фигурки.

Педагогом брата по живописи был Куницын, старый интеллигент, а заменила его женщина по фамилии Лившиц, кажется, и она сразу же почувствовала во мне подготовку культурную и принесла мне альбом Музея изобразительных искусств, созданного на основе коллекций Щукина и Морозова. В этот Щукинский дом я потом ходил. И в этой коллекции меня сразу наповал сразили Матисс и Ван Гог.

Я занимался в студии лепки при Доме пионеров. В советское время было очень хорошее художественное образование, не надо от этого отрезаться. Сначала была студия, потом училище, потом институт. Я всё это прошёл. На Таганке Высший Суриковский институт. Я учился у академика Алпатова, Чегодаева.

— Вы приехали во Францию в конце 60-х?

— В 1968 году я приехал просто так, а уже в 72-м приехал и в Россию уже не вернулся. Я — невозвращенец.

— В вашей книжке о Шагале (о вашей с ним встрече) стоит дата — 1968 год. Вы уже тогда у него побывали?

— Да, прямо в первый приезд. Он жил тогда на юге, Сан-Поль-Ванс.

— А кто вас привёл к нему? Вы уже имели друзей во Франции?

— Дело в том, что моя жена работала в агентстве "Франс-Пресс" — она была там единственной, кто знал русский язык. И, естественно, мы вращались в кругу дипломатов, корреспондентов, в артистическом кругу. И один из них — очень хороший, директор французского телевидения, и он ездил в Витебск снимать передачу о Шагале. Поэтому мы все туда поехали, и меня туда взяли. Я был в агентстве негласным консультантом по русскому искусству, со мной там советовались... — После училища вы окончили Суриковский институт?

— 17 апреля с 4-го курса я уехал служить в армию. Я уже получил тему диплома, это был 51-й год, а темой была тема вождя, такую тему дали только двум с курса — как отвертеться от неё? Это или Сталин, или Ленин. Как отвертеться? Я попал в неудобное положение. Меня мать с пелёнок агитировала против советской власти. Ни отец, ни мать эту власть не признавали. И это было для меня испытанием. Биографию я не хотел портить. И тут к нам пришли прямо на курс и раздали повестки. В Красноярск увезли. На пять лет, не меньше. Там я служил на аэродроме. Я плохо слышал, во время войны бомба взорвалась в пяти метрах от меня, и все три дома, три барака были разрушены. Мы вырыли с отцом и соседом блиндаж, но не успели его закончить, отдалать. Когда бомбы упали, я сидел у входа. Если бы стоял — меня бы уже не было. А так — контузия, у меня нет ушной перепонки. В Красноярск меня взяли в армию. И вернулся я опять на 4-й курс училища, снова его прошёл. За пять лет службы я всё забыл — чуть азбуку не забыл. Всё пришлось восстанавливать.

— До отъезда, ещё в Союзе, вы участвовали в выставках? Индивидуальных, групповых?

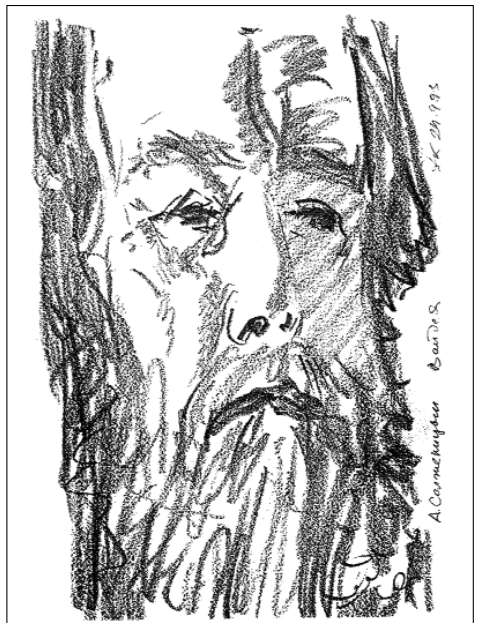
— Открой биографию Шемякина — там у него если не две тысячи, так тысяча выставок. На квартире устроили выставку — он уже написал. Я к этому не стремился. Конечно, участвовал. Я и в Манеже выставлялся — с работой "Разгром немцев под Москвой". Это было в 1966-м. Я тогда принадлежал к суровой школе, работал в суровом стиле.

— Для любого эмигранта адаптация на новом месте представляет собой серьёзную проблему — а для человека искусства она сложнее вдвойне. Как вы искали себя во Франции? И, конечно же, хочу спросить о портретной серии русских эмигрантов и вообще великих россиян — вашем фирменном знаке.

— Ну, тут нужно вернуться обратно в Россию. Дело в том, что портретом я занимался с самого начала. Тогда, когда читал "Милого друга", или даже раньше. Я понял, что они у меня получаются. Один из первых портретов, который у меня получился, был Щорс. За Сталина с Лениным я даже братья не хотел. А Щорс — тоже герой. И, естественно, до отъезда сюда я писал много портретов. Даже

Александр Галич.

Александр Солженицын.

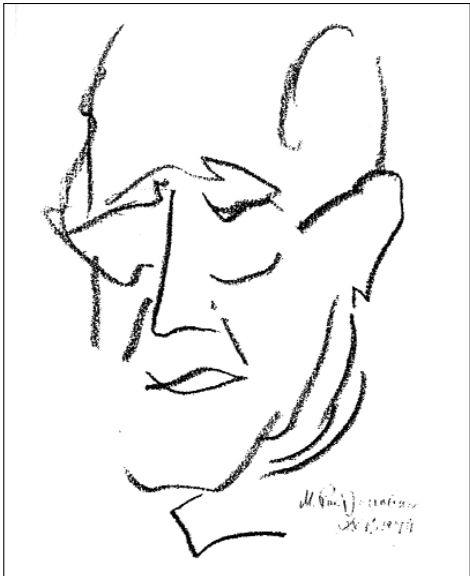
Виктор Некрасов.

квартиру в Москве купил двухкомнатную в кооперативе. А на что я её купил? Ходил и помогал художникам — там Ленина поправить, тут Хрущёву бородавку посадить. Прихожу к одному — смотрю, у Ленина два левых ботинка и шнурков нет. Вот и шнуровал, пуговицы пришивал, не говоря уже о том, что весь портрет менял.

Но мы отвлеклись. Конечно, первые два года здесь я сходил с ума. Потому что я разрабатывал там русский пейзаж — в суровом стиле. У меня была большая тема Москвы и Подмосковья — это меня полностью увлекало. Мы же знали тогда только передвижников, жанровые сценки, а пейзаж был на задворках. Я стал им интересоваться — и так узнал Соколова. А приехал сюда, залез на Монмартр — а ведь там каждый фонарь уже много раз нарисован и продан. Каждая ступенька нарисована и продана. Что же, мне тоже идти в это? Что я мог уже тут сделать? А там-то, в России, эта тема вообще не была

Андрей Синявский.

Мстислав Ростропович.

Андрей Тарковский.

разработана, тем более — церкви, храмы. Я ездил на восток, в Казань, где старинная архитектура, и там работал.

Поэтому, когда я приехал, то сидел два года и с ума сошел. Культура — это другое дело совсем. Я к Шагалу зачем поехал? Увидеть, где человек работает, где человек живёт. Я же помнил по картинам все эти места. Вот, например, Сезанн, "Гора Сан-Виктуар". Я приехал и полез на эту гору. Я и по местам Ван Гога проехал, и по местам Рубенса... Я никогда не стеснялся учиться. Но поначалу всё тут действительно было совершенно не моё.

А мои портреты — это русская традиция, это Третьяковка. Многие кричат: "Я русский художник!" — а сами накидывают на холст цветные пятна, и что в этом русского?

— А кто был первым портретируемым?

— Первым был Синявский?

— А где вы его рисовали?

— Вот прямо здесь он мне и позировал — где ты сейчас сидишь. Мне тут и Галич пози-

ровал, и гроссмейстер Спасский, и Данзас, секундант Пушкина...

— Кто-то приходил к вам, к кому-то вы ходили на концерты...

— Посмотри на любые портреты. Сидит натурщик, ему скучно. А мне важно: если он музыкант, пускай он играет. Вот Рихтер — на моих рисунках же видно, что он играет Шуберта. А Ростропович дирижирует оперой "Война и мир" Прокофьева. У меня штук сорок портретов его с дирижёрской палочкой. Я всё это берегу. Что-то по музеям расходуется, что-то продаю, но большую часть берегу.

— А кто из ваших портретируемых был для вас наиболее интересен? Близок? Я понимаю, что Геннадий Айги — у вас множество его портретов, вы иллюстрировали его стихи, выпускали их отдельными книжечками...

— Это банальный вопрос. Мне интересно, чтобы человек был с бородой. Бороду рисовать интересно.

— Я был с бородой в прошлом году, а потом её сбрил. Не подготавливался, в общем. Лицо круглое, рисовать сложно...

— Ну да. Видишь, я холст специально квадратный взял, чтобы твой портрет поместился.

— Так кто из портретируемых вам больше всего запомнился?

— Ну что рассказывать? Потрясающие портреты Рихтера. Да и Ростропович неплохой. Ну, раз уж ты хочешь такой случай... Я несколько раз приходил на концерты Рихтера, и, чтобы не шуметь, я брал китайскую кисть, китайскую тушь и бумагу. Потому что Рихтер в такой тишине играл... А я рисовал его руки.

— А в каком зале он играл?

— В основном я рисовал его на Луаре. Там специально для Рихтера сделали зал. Там раньше хранили зерно, амбар громадный, потрясающая акустика. С ума сойти. И он там играл. Даже доски поставили на сцене — типа избы. Ну, я как-то очень близко сидел. А бумага шершавая. И вот идёшь кисть по бумаге — и шорох слышал, настолько музыка у него была... И он услышал. Первый раз он не слышал. Прихожу после перерыва, раскладываю свою бумагу — и тут выключают весь свет в зале. И впредь он играл в полной темноте. Сказал: не нужно на мои руки смотреть, нужно музыку слушать. Вот что такое искусство.

— А Солженицын? Сколько раз вы его рисовали?

— Солженицына я несколько раз рисовал. Основной — когда его пригласили в Вандею. Вандея — это место, которое сопротивлялось французской революции. И мэр Вандеи пригласил туда Солженицына. Там он читал, а я его рисовал. Это лучшие рисунки Солженицына. Самые лучшие купил у меня какой-то француз из Бордо.

— А Высоцкий? У вас на стене висит его портрет с автографом.

— Самый лучший портрет я отдал сыну Высоцкого Никите — в его музей. Я отдал туда Галича, отдал Окуджаву, штук пятнадцать портретов. Никита сделал выставку, сделал прекрасный каталог. И вот там самый лучший портрет Высоцкого, цветной.

— А чем вы его делали?

— Уголь, сангина. И там самая лучшая надпись: "Николай, добра тебе". Высоцкого я с Мариной Влади ещё в своей машине катал по Москве, когда он за ней ухаживал. Я познакомился с ним у своего друга, у которого жена тоже была французенкой. Он у него ночевал. Это мы сейчас: Высоцкий, Высоцкий... А тогда ему ночевать иногда было негде. Спал на диване, а над диваном висели две мои картины. И по этим картинам он написал песню "Купола в России красят чистым золотом, чтобы лучше Господь замечал". Это по моей картине написано! Вот такие золотые купола и вот такое синее небо, разорванное этими куполами, этими шпильками.

А с Айги — это совместное творчество всё. Слово "ворона" — это же мы совместно придумали. И стихи я его специально просил маленькие писать, чтобы мне было удобно в книжках своих печатать. Не огромные, а маленькие, в четыре строчки. Это всё совместно творилось. Как раньше совместно творили. Мне хотелось жить, как в Средневековье — когда один человек и скульптуру делал, и чеканку, и живописью занимался. Я так воспитан!

— Хочу спросить про книжки. Тут действительно детективная история с этим набором букв, который вам подарили. Он хранился в Париже больше ста лет? Вы же делаете уникальные книги.

— Наши диссиденты, которые приехали... Да и не только диссиденты. Ещё ведь Лермонтов писал: "Прощай, немытая Россия". А для эмигрантов тогдашняя Россия жутом была... Хотя они и свалили этот строй в итоге... Мы все ответственны за то, что происходит в стране, — и ты, и я. Так и они. Но для них эта Россия была совсем другим. И теперешняя, и тогдашняя наша интеллигенция... Ведь Солженицын не зря их назвал тогда "образованщиной"! Я ещё обиделся тогда на него; а сейчас понимаю, что он прав был. И вот, зная мою подлинную любовь к России, одна дочь старых эмигрантов... Её дед был генерал Самсонов, который с Ренненкампом в Прусских болотах погиб, Солженицын это в "Прусских ночах" описывал, правда, критично. А я считаю, что они большое дело дела-

ли; ведь для чего был послан корпус Самсонова и Ренненкампа? Спасти Париж! Они утонули, но они спасли Францию! И сорвали наступление на Париж. Они герои. Вот она мне дала — это отец её мужа, священник, использовал, они ещё в Бельгии печатали этим шрифтом. Из Бельгии в Канны перевезли, и я туда поехал и привёз всё, что поместилось в машину, свинец ведь страшно тяжёлая вещь!

— Вы не считали, сколько книг издали за эти годы?

— Книг не считаю так же, как и деньги. Деньги — это осенние листья. Ну и книжки так же.

— Я видел как минимум несколько десятков.

— Кто-то насчитал пятьдесят. Но их, кажется, даже больше.

— Ваша выставка в Центре Жоржа Помпиду — это было в 80-х?

— Да нет, это был 94-й год. В Помпиду отмечали семидесятилетие Геннадия Айги. Я тогда в музее на его выступлении сделал сто портретов Айги. Сто! Выдающиеся портреты. А он мне дал потом сто стихотворений, и я их издал. Вот так мы работали. Есть же сто гравюр Хокуса с видом Фудзиямы — а мы чем хуже? Он мне дал сто четверостиший, а я ему дал сто его портретов, сделанных в Помпиду. Ну и, кроме того, я оформил выставку к его выступлению. Семь плакатов огромных с его поэзией, его и мои книги были выставлены в стеклянных шкафах, там он и читал. Это было внизу, в холле.

— Вы говорили, что в его музее в Чувашии шестьдесят портретов вашей работы.

— Ну не только портретов, но и пейзажей — Волга... Это моя река — Волга. Это лучший музей на Волге, самый современный. Там четыре зала моими работами оформлены.

— Судя по висющим у вас дома афишам, ваши выставки в России проходят сейчас регулярно.

— Да не регулярно! Первую выставку Айги мне устроил — в Чувашии, в 2000 году. Это на моё семидесятилетие.

— То есть это была первая ваша выставка в России после отъезда?

— Да я, может, и не вернулся бы туда! Ведь первыми вернулись кто? Те, кто громко и со скандалом уехал. Синявский, Шемакин, Неизвестный — и сразу рванули обратно. Настроили памятников по всей стране. И что с Россией сейчас? А я мог бы и не поехать. Это Айги меня вытянул.

— Но в Москве выставки были в 2010 году и в 2012-м?

— Да. В 2010-м выставка была в галерее, а в этом году — в Литературном музее, это не одно и то же. Музей взял тридцать лучших портретов писателей в свои фонды, а работ было на два зала.

— А где были выставки в Париже? Сотрудничаете ли вы постоянно с какой-то галереей?

— С галереей в городе Гонфлэ. Там самая лучшая галерея. Это город чуть ниже Ла-Манша. Пейзажи, портреты — там всё покупают. А вообще я не гонюсь за участием в выставках. Многие художники гонятся за количеством. По-моему, чушь всё это.

— А что не чушь? То, что вы запечатлели для истории множество выдающихся людей?

— Что не чушь? Ну, вот я, например, участвовал семь раз в Осеннем салоне. Скульптурами, живописью, графикой. Смотри — вот каталог, выпущенный в 2003 году к столетию Осеннего салона. Вот Модильяни, вот Ренуар, а вот и Дронников. Я сразу принял участие в Осеннем салоне, как только приехал сюда — в 1973 году. В России никак не пробьешься, а тут приносишь работы — и участвуешь.

Меня часто спрашивают, почему я из России уехал. А потому, что пить надо было с художниками, чтобы быть в кругу общения. А я хотел чистым творчеством заниматься. Вот и уехал — от водки, от селёдки, от икры. Теперь мне всё это врач запрещает — вредно.

— Да, художнику нужно быть в "тусовке". Даже если ты средненький художник, но в "тусовке", тебя знают, приглашают на выставки, покупают работы. А если ты гений, но сидишь дома и пишешь, при этом ни с кем не общаешься и не дружишь — ты изгой. Нужно постоянно мелькать.

— Так почти всегда было, пожалуй.

— У вас совершенно роскошная библиотека с редкими изданиями. Как вы стали её собирать?

— Понимаешь, когда я ещё жил в России и видел книги, которые привозили из Франции жены моих друзей, я не мог сдерживать восхищения. Я хотел такие же книги. Ведь моя жена работала в редакции "Франс-Пресс", через её руки проходили все переводы запрещённые — Синявского, Солженицына, мы тайно кое с кем встречались — вот Гинзбурга я ночью привозил... За нами следили, конечно. Я себя не приписываю к диссидентам, но поработали мы на них будь здоров. Если бы не было моей жены, Синявский был бы наполовину менее известен. Мог бы быть вообще неизвестен. Это мы его выгнали. И когда я приехал сюда... Ну почему любой иностранец мог читать книги Бердяева, правду о революции, а мы в Союзе не могли? Нет, они мне попадались, но я же должен был читать их в уборной! Человек был лишён элементарной культуры — культуры чтения той литературы, которую он хотел читать. Хотелось читать по-настоящему. Теперь я могу зажечь камин и читать, сидя у него. Начал со-

бирать. Чтобы жить среди русской обстановки — и читать! Я приехал сюда завершать образование. Образование — какое слово! Образование! Как вот Репин приезжал сюда образоваться, как Иванов... Вот для этого я и собирал книги. Другой вопрос — я ведь, покупая, их спасал. Вот, например, Бунина продавец разорвал и бросил. Я поднял — а там подпись Бунина. Эмигранты жили страшно бедно, и, естественно, где-то на полке возле трубы отопления книги сгорали. Я всё это спасал, восстанавливал книги. Одна книга часто ходила среди множества людей — у них не было денег на покупку книги! Сейчас говорят — Серебряный век. Какой, к чёрту, серебряный! Железный!

Я приехал сюда не выставки устраивать — а пожить, почитать, образоваться.

— В вашем уникально художественном дворе, на стене, две группы портретов — "айгисты" и "бродскисты", причём "айгистов" гораздо больше. Почему именно такое разделение? Я знаю, что у вас неоднозначное отношение к Бродскому — точнее, нет такого трепетания, какое есть сейчас у нас.

— Ну, это серьёзный разговор. Давайте прощай. Бродского я впервые встретил в Москве — совсем молодого, двадцатилетнего. Он читал свои стихи на квартире у моего друга. Там был и Александр Гинзбург. А мой друг — он с Синявским был связан. И там Бродский был со своей пассивой, нашей лучшей подружкой — французенкой. Сейчас даже не вспомню её имени. И Бродский прожил с ней всю жизнь, пока не наколотся на графиню Волконскую. У меня и портреты её есть, этой французенки. Она с ним до самого конца была. Была его музой. Поэтому вот этот круг — Бродский с французенкой, Высоцкий с французенкой, Айги с французенкой... Французы вытащили эту культуру! Она познакомила Бродского с французскими поэтами, писателями, которые и делали потом Бродского. Она звонила потом из его квартиры к нам, чтобы Аньес (жена Н. Дронникова, — прим. авт.) написала, что он умирает. Потому что у него была операция тогда сложная. И Аньес написала. Вы понимаете, что такое "Франс-Пресс"? Это же на весь мир сразу распространилось.

Тогда время такое было. Так Бродский и Нобелевскую премию получил. Ведь, например, в своё время её должен был получить не Бунин, а Мережковский. Мережковский рассчитывал на эту премию, даже пополам хотел делить её с Буниным. Так и тут.

Ну, а у меня "бродскисты" и "айгисты" — это два течения. Айги — это самый современный поэт. Это Малевича, это Хлебникова линия. А Бродский — это Серебряный век. Это ампиризм, ампиризм Санкт-Петербурга. У него и пейзажи в поэзии ампиризм. Он с Ахматовой общался, а Айги тяготел к Пастернаку. Это разные линии. Да, это был Серебряный век... Это уже отодвинулось, прошло. Сейчас искусство совсем другое. Да и я отодвинулся, отошёл. Кому я нужен сейчас со своими портретами, когда сейчас — смотри, что творится в современном искусстве? Пишут задней ногой. Или хвостом.

— А дома у вас Бродский был?

— Ну не все должны были быть у меня дома. Я с ним встречался раз сорок в разных местах. Он меня прекрасно знал. Подписывай книгу так: "Дронникову — Бродский". Вот какие были отношения. Вот такие отношения художников — это важно. Вот это нужно сохранить.

Или вот, например, его отношение к Лимонову. Он же вытащил Лимонова из дерьма — Лимонов там посуду мыл. А Бродский вытащил его и напечатал.

Я, конечно, защищал Айги. О нём писал в Англии Колкер, что Айги — это тёмная дыра в русской поэзии, потому что его поэзия — это фактически "Чёрный квадрат" Малевича. А вот Бродский — это да, его встречают как большого поэта. Я в "Русской мысли" статью написал — в защиту Айги и Малевича.

— Вы давно и тесно связаны с Одессой. У нас прошло несколько выставок ваших работ, а книги поэта Игоря Потоцкого часто иллюстрированы вашими рисунками. Его повесть "Улица Розье" немыслима без ваших иллюстраций. Как вы познакомились, как работали над рисунками к повести?

— Нас познакомил радиожурналист Виталий Амурский. Он брал интервью и приглашал меня рисовать своих гостей. Он потом делал статьи и вставлял мои портреты и рисунки в свои статьи. Так же вышло и с Потоцким — он брал у него интервью и пригласил меня рисовать. Так мы и познакомились.

Амурский когда-то готовил статью об улице Розье и попросил меня сделать ряд набросков улицы для этой своей статьи. Я провёл там много времени, причём это было небезопасно — незадолго до этого там взорвали ресторан. Потом статья эта не вышла, а рисунки остались. Целая папка рисунков. И Амурский попросил меня показать Игорю Потоцкому эти рисунки. Он был восхищён. И я ему их подарил. Так и появилось название его знаменитой повести "Улица Розье". Так мои рисунки начали свою вторую жизнь.

Всё то время, пока мы записывали интервью, Николай Дронников рисовал. Два моих портрета — на дереве и холсте — остались у него в мастерской.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Золотая тиара одесского ювелира: новое путешествие из Одессы в Париж

Прошлой осенью ко Дню города вышла в свет и была торжественно презентована книга о нашем гениальном земляке — ювелире Израиле Рухомовском, сумевшем обмануть весь белый свет.

Вернул из небытия это имя одесский исследователь Александр Гун, который долгое время занимался поиском архивных материалов об этом уникальном человеке, вел переписку с его потомками, собрал уникальные факты, редкие документы и фотографии, посвященные истории о скифском царе и одесском ювелире.

Но прекрасно иллюстрированное книжное издание не осело в библиотечных хранилищах и частных коллекциях — так бывает: вышла книга, состоялась выставка, поговорили — и забыли.

История о золотой тиаре скифского царя Сайтоферна, которую на самом деле создал золотых дел мастер из Одессы, получила интересное продолжение.

Напомню: ценнейший экспонат, приобретенный за баснословные деньги, был выставлен для обозрения в парижском Лувре по роковому стечению обстоятельств первого апреля, в день, который принято считать Днем дурака, или Днем смеха. Так вот, спустя сто семнадцать лет, именно первого апреля нынешнего года, в магазине русской книги "Librairie du Globe" ("Глоб") в Париже вниманию многочисленных гостей была предложена эта удивительная, почти детективная история, связывающая Одессу и Париж. Предварительно в Париж была отправлена афиша презентации книги и выставки.

Презентация "Тайны золотой тиары" и экспозиция, посвященная чеканщику Израилу Рухомовскому, привлекли широкое внимание общественности французской столицы. Вот что рассказал исследователь и составитель книги Александр Гун:

— Как известно, русский книжный магазин в Париже "Глоб" в прошлом году находился под угрозой закрытия, распродавались книги и диски. Изначально созданный как центр советского искусства и культуры по инициативе правительства СССР более шестидесяти лет назад, магазин стал очагом культурной жизни русского зарубежья, популярным как у французов, так и у эмигрантов. Потому это известие вызвало широкий резонанс. Сейчас угроза закрытия как будто миновала.

Как человек, воспитанный на русской культуре, я решил внести свою посильную лепту в спасение магазина и организовать презентацию книги в Париже именно там. За помощью я обратился к директору "Альянс Франсез" в Одессе Сильвену Баню, и он связал меня с владельцем русского книжного магазина Франсуа Девером.

На презентации выставки в своем выступлении я представил Одессу как многонациональный город, в строительстве которого значительная роль принадлежит французам. Был показан фильм об Израиле Рухомовском. А потом в течение двух с половиной часов я отвечал на вопросы.

С собой Александр Анатольевич привез редкие документы, в том числе — ксерокопии французских и одесских газет 1903 года. Большинство гостей понимали по-русски, к тому же Франсуа Девер помогал с переводом. Вопросов к организатору выставки было множество, парижане, прежде всего, допытывались: что же связывает Гуну с непревзойденным мистификатором и умельцем? На это Александр Анатольевич лишь улыбался, отвечая, что ответ читатели найдут в книге. На презентации среди гостей оказалась русская по происхождению Ася Ковригина, которая здесь преподает в университете и завершает работу над диссертацией. Поблагодарив автора-составителя, она отметила прекрасное оформление книжного издания, выпущенного в Одессе: "Таких "богатых" книг, как ваша, в Париже не издают".

Двадцать экземпляров книги "Тайна золотой тиары" Александр Гун преподнес в дар магазину "Глоб", а кроме того — национальной библиотеке французских музеев, библиотеке истории искусств, дирекции Лувра, имеющей прямое отношение к событиям вокруг тиары, и библиотеке музея Лувра.

Когда презентация "Тайны золотой тиары" в "Глоб" уже завершилась, Гуну передали просьбу подписать один экземпляр книги... Марине Влади. Сама известная французская актриса, вдова Владимира Высоцкого, не смогла присутствовать на встрече. И Александр Анатольевич передал в дар книгу, подписав: "Многоуважаемой Марине Влади с глубочайшим почтением и благодарностью за все, что вы сделали для моего и последующих поколений России. Одесса — Париж" — и теперь с нетерпением ждет ответа.

Но презентацией одной, пусть и удивительной истории дело не ограничилось. А. Гун представил в Париже не только "Тайну золотой тиары", но и при содействии Одесской государственной научной библиотеки имени Горького, Всемирного клуба одесситов и

компании "Пласке" провел в "Глоб" презентацию современной одесской литературы. Для этого с немалым трудом ему удалось добиться разрешения на провоз дополнительных 25 килограммов груза.

Одесская литература в Париже была представлена довольно разнообразно. В список подаренных Одессой магазину "Глоб" книг вошли все шесть выпусков сборника "Дом князя Гагарина" Одесского литературного музея, сборник "Благоухающий пепел. По страницам старой одесской периодики", "Автографы Одессы" и "Энциклопедия забытых одесситов" Олега Губаря, материалы международной научной конференции "Возвращение авангарда", посвященной столетнему юбилею прозаика и искусствоведа Николая Харджиева, переизданная "История Одессы" Константина Смолянинова (1853 г.), "Волшебник из Одессы. По следам Исаака Бабеля" и "Возвращение Дерибаса" Ростислава Александрова, "Дитя Европы" Анатолия Горбатюка, "Мастерская человек" Ефима Зозули, одесский альманах "Дерибасовская — Ришельевская", тридцать экземпляров газеты "Всемирные одесские новости". Франсуа Девер поблагодарил одесситов за щедрые подарки. А презентация завершилась неожиданно возникшей идеей — организовать при магазине "Глоб" филиал Всемирного клуба одесситов, клуб почитателей города Одессы.

Во время парижского вояжа Александр Гун решил еще несколько очень значимых для него задач. Во-первых, ему удалось установить, где действительно находится скандальная корона-шлем. Как сообщил в письме архивариус Лувра Алан Преве, тиара, "о которой говорят как о тиаре Сайтоферна", находится ныне на хранении в отделе греческих, этрусских и римских древностей Лувра.

Во-вторых, в Париже Александр Анатольевич разыскал внуку великого одесского ювелира Рухомовского. Элизабет Сакарович уже 97 лет. Никто в ее семье не продолжил дело деда. Все три сына Элизабет преподают математику в университетах Франции. Вместе с женами они были на открытии выставки, а самой внучке из-за преклонного возраста не удалось там присутствовать. Но она радушно пригласила в гости одессита, издавшего на собственные средства книгу о ее знаменитом предке. В свои преклонные года Элизабет Сакарович музицировала на рояле и угощала гостей чаем с тремя сортами печенья.

В доме Сакарович тоже хранятся как бесценные семейные реликвии воспоминания деда, изданные ничтожно малым тиражом на идиш, и несколько экземпляров их французского перевода, напечатанные для членов семьи, заплативших за них в свое время пятнадцать тысяч франков. Берегут здесь и доставшиеся в наследство ювелирные изделия Рухомовского. В беседе Александр Гуну удалось выяснить, где покоится прах гениального самоучки с Ремесленной улицы. На кладбище Баньо ему выдали план с указанием могилы, и он без труда нашел место, где нашел последний приют гравер из Одессы.

А. Гун:

— Среди вопросов, которые мне задавали в Париже, был и такой, который повторялся чаще всего: "Вот вы издали книгу, какие же задачи ставите перед собой теперь?" Я отвечал: "Рухомовский заслуживает мемориальной доски на Ремесленной, 6, где он жил". Еще я мечтаю, чтобы когда-нибудь в Саду скульптур Одесского литературного музея появился маленький памятник этому гениальному Мастеру. Я уже вижу его: Рухомовский за работой, в руках — инструменты и маленькая тиара, работа над которой завершается, за ним маячит фигура Шепселя Гохмана с желтым саквояжем в руках, рядом — силуэт Лувра, а внизу надпись: "Одесса, 1895 — 1896 гг."

Но пока увековечение памяти Рухомовского в родном городе — дело неясного будущего, Александр Анатольевич... готовится к новой выставке, тоже французской.

Но обо всем по порядку. Одесса и крупнейший порт Франции город Марсель давно яв-

Александр Гун на кладбище Баньо, у склепа семьи Рухомовских

ляются городами-побратимами. В этом году Марсель объявлен столицей европейской культуры. Там-то осенью 2014 года ожидается открытие выставки под названием "Пути Одессы", призванной рассказать об истории нашего края с античных времен до наших дней. Этот серьезный проект осуществляется на государственном уровне при активном участии министерств культуры двух наших стран. В одесских музеях идет отбор предметов истории и искусства, всего четырехсот пятидесяти экспонатов, которые затем будут перевезены со всеми предосторожностями в Марсель. Выставка развернется в Музее цивилизации Европы и Средиземного моря, он находится в древней крепости пятнадцатого века. Долгое время крепость была в ведении Министерства обороны Франции, но сравнительно недавно передана Министерству культуры. На территории крепости раскинулся теперь средиземноморский сад, а на берегу гавани стоит соединенный с крепостью изящным мостиком особняк для проведения крупных выставок. Именно здесь с октября 2014-го по февраль 2015 года будет представлена на обозрение публики выставка "Пути Одессы".

Научный куратор выставки профессор парижского университета Сорбонны Фрэнсис Конте, готовя экспозицию, стал часто навещать в наш город. В один из приездов в Одессу в сентябре прошлого года мсье Конте посетил Одесский музей западного и восточного искусства и попал на выставку, посвященную Израилу Рухомовскому. История одесского ювелира, о которой французы уже

подзабыли, произвела на него такое впечатление, что он захотел немедленно встретиться с организатором выставки и составителем книги Александром Гуном и предложил ему участвовать в готовящейся выставке.

На днях Фрэнсис Конте вновь был в Одессе, мне удалось с ним встретиться и поговорить. Ф. Конте:

— Изучая скифскую и древнегреческую культуру на северном побережье Черного моря, я случайно узнал историю чеканщика Рухомовского и о мистификации века, с ним связанной. Это был такой конфуз, что сто лет во Франции предпочитали молчать о тиаре. Теперь, думаю, настало время напомнить о ней французам. Но на основной выставке могут быть представлены только оригинальные вещи и предметы. Думаю, там самое место золотой тиаре "царя Сайтоферна" и произведениям чеканного искусства, хранящимся в доме внучки Рухомовского, если будет на то согласие Лувра и Элизабет Сакарович. А все экспонаты одесской выставки, включая копии французских и одесских газет за март — апрель 1903 года, описывающих, как оконфузился Лувр, принявший искусный но-водел за бесценную скифскую находку, будут представлены в рамках проекта на выставках-сателлитах. Одна будет посвящена Одессе сегодняшней, Одессе глазами французских и одесских фотографов. На другой представлено старая Одесса — на сохранившихся старинных открытках. Там и найдут место материалы, посвященные одному из одесских мифов. А Александр Гун, думаю, успешно справится с ролью гида на этих выставках.

Мария ГУДЫМА

"В настоящем — только боль обид...", или Кукла для Шарлотты

Одесский театр кукол в нынешнем сезоне, обновив свое помещение, создает репертуар для взрослых, подготовил самое настоящее театральное пиршество — моноспектакль За-служенного артиста Украины Юрия Невгамонного "Разговор в семействе фон Штейн об отсутствующем господине фон Гёте" по одноименной пьесе немецкого драматурга Петера Хакса. Несмотря на то, что пьеса представляет собой монолог от лица дамы Шарлотты фон Штейн, в течение добрых десяти лет сводившей с ума от любви самого Иоганна Вольфганга фон Гёте, артист играет сам. Не нашлось актрисы, которая решилась бы взяться за этот достаточно сложный материал — Невгамонный готов был поставить спектакль как режиссер. В итоге пришлось повторить успех начала девяностых, когда на его же моноспектакль "О, счастливые дни!" по Беккету театралы лопались в маленький подвальный зальчик театра "Аркадия", нисколько не смущаясь тем, что от имени старушки Винни говорил артист в мужской одежде. Есть такие пьесы, мимо которых грешно проходить. Особенно если имеется в наличии прекрасный перевод Эллы Венгеровой, много и со вкусом переводившей Хакса (в данной пьесе драматург не в последнюю очередь превзошел себя, так как использовал материалы сохранившейся переписки между писателем и его музой).

— Пьесой Петера Хакса я давно увлечен, — признаётся Юрий. — Она была издана в начале восьмидесятых в Союзе, я ее советовал многим актрисам, которые постоянно просят порекомендовать им хорошую пьесу. Забавный случай вышел с бывшей актрисой нашего ТЮЗа Надей Орловой, которая заочно училась в ГИТИСе и на втором курсе по моему совету подготовила отрывок из этой пьесы. Комиссия хохотала, потому что Надя была на тот момент заметно беременна, и когда она произносила реплику: "Я не люблю Гёте", — всем становилось ясно, что ребенок-то именно от Гёте! Вот уже четыре года, как я готов был сделать свой моноспектакль, раз актрисы не хотят этой роли, меня останавливал только затянувшийся ремонт здания. И вот все готово по принципу "сделай сам" — и сценографию придумал, благо в пьесе заложено, что на сцене присутствует кукла, изображающая мужа Шарлотты. И музыку сам подбирал, и пластику ставил сам, вот только танго с куклой поставил балетмейстер Олег Гусаренко. Конечно, пришлось сократить текст, иначе зрителям пришлось бы провести в театре все четыре часа. От этого, наверное, многое стало менее понятным... Но основная мысль остается: как часто мы обманываем себя, принимая желаемое за действительное...

В начале спектакля артист обозначил свою Шарлотту, оказавшись позади манекена с платьем на кринолине, но это было всего лишь несколько секунд. Дальше был господин во фраке, ведущий салонную беседу с сидящей куклой (драматург считал, что во рту куклы должна быть трубка, но и мундштука с сигаретой вполне достаточно для ирреаль-

ной ситуации): "Вот видите, Штейн, чего я достигла своим смягчающим влиянием. Ценой огромных усилий я устранила самые броские, самые скандальные неприличия: он больше не топает на нас ногами. Но распушенность, лежащую в их основании, но самомнение, глубоко оскорбляющее всякое мужское и особенно женское сердце, — его я не смогла устранить. Сегодня, как и десять лет назад, Гёте напоминает мне спесивого индюка. Он был бродягой — я его воспитала; теперь мы имеем воспитанного бродягу: гения. Нет, Штейн, не такой конец я имела в виду. И десять лет неуспеха, я думаю, достаточный срок, чтобы человек, питавший даже самые радужные надежды, понял, что он переоценил возможности".

А потом о господине перестаешь даже думать, начинается какая-то фантазмагория, без всяких внешних атрибутов начинаешь верить, что дама перед тобой. Дама слишком много на себя берет, рассуждая: "Гёте незаметно — для Веймара, говорите вы; для человечества, говорит он. Следовательно, мой долг — его приручить, успокоить, избавить от дурных настроений. А почему, собственно, мой? Пусть Веймар избавляет его от дурных настроений, если он ему так нужен. Пусть потомство его и любит. А я, например, заменима? У меня тоже только одна душа. Если я позволю ее разрушить в угоду этому вдохновенному шантажисту, я так же не найду себе замены, как он — себе. Я не гений, а потому могу спокойно принести себя в жертву? Именно потому, что я не гений, я отвергаю эту претензию. Жертва имеет свою прелесть только для тех, кому уготовано место среди звезд или на страницах хрестоматий. В отличие от Гёте я живу, только пока живу. У меня есть обязанности перед самой собой, перед детьми, перед родственниками. Затем следуют обязанности перед требованиями хорошего тона и перед всеми учреждениями, которые делают этот мир сносным для земных людей. Только когда эти требования выполнены, всякие посланцы могут выставлять свои — пожалуйста".

Гёте также присутствует в этой истории в виде куклы, только эта кукла поменьше той, которая именуется Иосиасом фон Штейном, и висит на гвоздике. Похоже, эта дама просто играет мужчинами, словно куклами. Впрочем, где тут дама, может, это сам драматург озвучивает монолог своей героини, незаурядной женщины своего времени, а для правдоподобия окружил себя молчаливыми куклами-партнерами? В один из знаковых моментов своего монолога Шарлотта вдруг начнет измерять шажочками круг света от прожектора, словно повторяя заводящий в тупик путь, да спохватится. Роняет кофейную чашечку, напряженно прислушивается к шуму колес и почтовому рожку за окном — пора бы появиться очередному письму от знаменитого поклонника... Четко артикулирует слова, взвешивает их, изредка позволяя себе сделать орущий, оглушительный акцент на одном слове, так прорывается сильнейший тем-

перамент сквозь скорлупу светской воспитанности. Нервы чуть расшатаны. Временами заговаривается, словно заезженная пластинка, повторяется — ну знает Шарлотта за собой такой грешок. Время, увы, безжалостно; оно пригасило, стерло ее женскую прелесть (разница в возрасте в пользу Шарлотты была всего-то в семь лет, современникам это казалось чем-то из ряда вон, сегодня особого значения такому не придают) и, как выяснится, ослабило влияние на гения. А ведь Шарлотте уже казалось, будто без нее и Гёте-то никакого быть не может: "Он говорит, что создал "Тассо" и таврическую Ифигению, чтобы все знали, как он любит меня. Разумеется, все наоборот: он любит меня, чтобы сочинять этого Тассо и эту Ифигению. Я для него — чернильный прибор, мне место на его письменном столе. Самое возмутительное, что, сидя над своими драматическими сочинениями, он испытывает чувства, на которые имел бы право лишь в том случае, если бы я позволила ему сидеть подле меня. Он внушил себе, что мы любим друг друга; он пишет историю нашей любви, не спрашивая меня. Он любит за себя и за меня. Как прикажете мне защищаться? Я, сколько могу, мешаю ему работать и возвращаю к суровой действительности. О да, тогда он страдал. Но позволю себе заметить, что страдал он не без удовольствия. В страдании он становился таким красноречивым, выражал свои поучения с такой бесстыдной откровенностью, что я всегда чуяла за этим тайное наслаждение. У меня есть некоторые основания сомневаться в том, что человек на дыбе замолкает: насколько мне известно, он кричит. А вот Гёте — тут он сказал правду — сочиняет стихи".

Утонченная дама описывает жестокости, которым подвергала своего поклонника: письма, например, по несколько дней не распечатывала. И это, только что принесенное, распечатывать не поспешит. Но к чему притворство? Было, все было у них с Гёте, по-настоящему: "Ах, и я таяла от его слов и поцелуев! Моя беспомощность исчезла, я забыла о своем ничтожестве и о том, что я всего лишь слабая женщина, что имею право вечно быть лишь его служанкой. И все же, ибо любовью своей он возвысил меня, я чувствовала себя равной ему. Объятие, которому предшествовали эти часы... Предвижу ваше удивление, когда вы узнаете, что наше блаженство отнюдь не означало отказа от наслаждений плоти и нервов. Между тем я решилась ничего не утаивать от вас..." Увлекаясь исповедью, Шарлотта хватается в охапку сидящую куклу и танцует с ней страстное танго. Разве мужья знают, что такое настоящая страсть?! Пусть прочувствует, хотя бы теряя свою Шарлотту навсегда: "Гёте оставалось принять последнее решение, и о том, что он его принял, свидетельствуют романтические обстоятельства его отъезда и чрезмерная удаленность его теперешнего прибежища. Что ж, я решилась. Вместе с разгадкой я скажу вам и загадку, ибо вижу, что вы ничего не поняли. Я выйду за него замуж, Иосиас. Да, супруг мой,

я не могу избавить вас от тягостных перипетий развода. Ничто не говорит против вас, но слишком многое говорит за такое предложение. Спокойствие — говорю это не для того, чтобы польстить, — я найду и с вами, но брак с Гёте будет нескончаемой цепью знаков внимания, деликатных забот, предупредительных поступков. Ничего подобного я не смогла бы потребовать от любого другого мужчины. На такое самоотречение способен лишь тот, кто ощущает свою несостоятельность, кто не способен нарушить верность и вечно живет под гнетом вины. Тема нашей беседы исчерпана. Мы должны принять решение. Вы приказали мне позаботиться о том, чтобы сохранить для нас Гёте. Будь по-вашему, Штейн, он останется с нами, но я не останусь с вами. Ваш приказ будет исполнен, но иначе, чем вы хотели".

"О, романтика нежной души!" — воскликнул один из героев Блока по весьма схожему поводу. "О, счастливые дни!" — так можно было бы назвать не только давний спектакль по Беккету, но и нынешний, по Хаксу. Ну же, Шарлотта, не будь так самоуверенна. Открой, наконец, конверт с письмом от Гёте. Его здесь нет, и ты больше не можешь изводить поэта видом нераспечатанных писем, которые он писал спешно, по ночам, кровью сердца. Сегодня он, вечно жалующийся на погоду (на самом деле она зависит от настроения, это же ясно, как показания барометра!), пишет вовсе не о грядущей свадьбе с тобой, а о том, как хороша погода в Италии: "Я чувствую себя превосходно, здесь прекрасная погода, все здесь делает меня счастливым... Здесь всякая погода прекрасна... Погода продолжает оставаться невыразимо прекрасной..."

Урони своих кукол, Шарлотта. Ты им больше не нужна. Не спрашивай, почему. Ты была так уверена в своей власти над ними, ты воображала, будто подобрала все ключики к их сердцам и протянула ниточки, дергая за которые, заставишь их плясать, как то тебе угодно. Больше не надо быть злой, расчетливой, кокетливой, стервозной — это больше не работает. Отныне Гёте будет дарить тебе только дружбу, ты постарайся скрыть свою боль, и только для нас, зрителей, горестно, уже без всякого кокетства и манерности воскликнешь: "О Господи, ну почему, почему всем нам так тяжело, так ужасно, невыносимо тяжело?!"

А Гёте... А что Гёте? Он так увлечен своей прелестной молодой женой, которую ты будешь нещадно и презрительно критиковать. Для тебя у него найдутся только такие, отравляющие тебя в анналы истории строки:

Знала все, что в сердце мной таймо,
Каждую извела черту,
Все прочла, что миру в нем незримо,
Мысль мою ловила на лету,
Жар кипящей крови охлаждала,
Возвращала в бурю мне покой,
К новой жизни сердце возрождала,
Прикоснувшись ангельской рукой.
И легко, в волшебном-сладких путях,
Дни текли, как вдохновенный стих.
О, блаженна память о минутах,
О часах у милых ног твоих,
Когда я, в глубоком умиленье,
Обновленный, пил живой бальзам,
Сердцем сердца чувствовал биенье
И глазами отвечал биением!

И теперь одно воспоминанье
Нам сердца смятенные живит,
Ибо в прошлом — истины дыханье,
В настоящем — только боль обид.

Гений всегда останется гением, о котором простые и даже незаурядные люди вспоминают с восторгом, пусть даже спрятанным глубоко-глубоко. Чужой опыт никого и ничему не научит, Шарлотта. Ты станешь тенью, легендой, но поколения земных женщин все так же будут отваживаться любить, обольщать, завлекать и удерживать мужчин, как бы то ни было тяжело. Все женщины по сути своей актрисы, и так же, как для тебя, для каждой из них самыми яркими окажутся воспоминания о том, какими же великолепными оказывались мгновения триумфа существования на сцене, где нужно скрыть боль и щегольнуть умом иль красотой, а лучше — тем и другим. Но тебя уже нет, Шарлотта. Чары развеялись, тени рассеялись, платье твое упало и свернулось цветным ворохом, только грустный медиум во фраке выходит на авансцену под гром аплодисментов. Это он вызвал твой дух, рассказал твою историю и примерил на себя, потому что, если честно, мужчинам тоже ве-дома тоска по утраченному счастью.

С Одессой — навсегда

Из Москвы недавно пришла траурная весть — на 88-м году жизни умер замечательный, душевный человек, выдающийся кинорежиссер, актер, композитор Петр Ефимович Тодоровский.

Это потеря для мирового кинематографа, для "Мосфильма" и Одесской киностудии, это потеря для Всемирного клуба одесситов, почетным членом которого он был, для меня это и личная потеря — мы были знакомы с конца 50-х годов, со времени, когда опера-

тор Петр Тодоровский снял свой первый фильм "Весна на Заречной улице".

Каждая его операторская работа была событием — "Два Федора" с В. Шукшиным в главной роли, "Жажда" по сценарию Григория Поженяна. Но неумному Петру Тодоровскому только снимать — было мало.

Думаю, не без влияния жены — Миры Тодоровской — он сам стал писать сценарии своих фильмов, стал их сам ставить.

Так родились фильмы, вошедшие в золо-

той фонд нашего кинематографа, от "Верности", "Городского романа" до "Военно-полевого романа", "Анкор, еще анкор!".

Нет, конечно, не только по своим сценариям снимал фильмы Петр Ефимович. Его привлекали правда жизни, правда войны, сочетание трагедийности и обыденности, юмора и грусти. И в результате никогда не забудутся "Фокусник", "Любимая женщина механика Гаврилова", "Интердевочка" и "Риорита"...

Какое счастье, что в кино остался и Петр

Тодоровский — актер, играющий, поющий в фильме "Был месяц май..."

Он родился в 1925 году недалеко от Одессы, в Кировоградской области; в 1944 году, окончив Саратовское училище, стал командиром минометного взвода, дорогами войны дошел до Эльбы. Был ранен, вернулся в строй, на фронте был награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. А количество наград, премий, лауреатских титулов в послевоенное время и не сосчитать.

...Последний раз мы много общались, душевно беседовали в Одессе несколько лет назад, на праздновании Дня города. Гуляли по Приморскому бульвару, смотрели "Заборную выставку" картин, которую повторили художники в память о первой — 1967 года, теперь уже не на заборе у Оперного театра, а на заборе у бывшего статуправления. Подошли адвокат Иосиф Бронз с женой Валентиной, подошел Станислав Говорухин, тоже приехавший в Одессу. Было весело и празднично, как только может быть в Одессе.

Удивительное дело: прожив много лет в Москве, Петр Ефимович, как когда-то Валентин Катаев, не потерял одесский говор, остался одесситом навсегда.

А затем мы пошли все вместе во Всемирный клуб одесситов, пили за Одессу. Говорили об Одессе. Вспоминали Высоцкого, и Петр Ефимович рассказывал, как аккомпанировал Володе на своей семиструнной гитаре при записи песен. Говорили, что, может быть, следует ему еще раз снять новый фильм на одесской земле. Он любил этот город, тонко чувствовал его.

Последний раз я видел Петра Ефимовича на митинге на площади Сахарова — в телевизионной хронике. Он, как всегда, улыбался, казалось, хоть звука не было, что рассказывал одесские анекдоты.

Кто мог подумать, что 24 мая 2013 года этого человека, этого кинорежиссера не станет?.. Какой-то мрачный 13-й год для нашего кино. Алексей Герман, Алексей Балабанов, Петр Тодоровский...

Мир праху Петра Ефимовича Тодоровского. В Одессе, с Одессой он останется навсегда.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

На фото: Петр Тодоровский в портклубе, 1968 год. Фото Сергея Калмыкова.

Евгений ДЕМЕНОК Как нам обустроить Одессу

Мысли вслух

У меня давно уже готов проект кардинального улучшения жизни одесситов. План мероприятий включает в себя два основных блока: физические изменения и политические преобразования.

Начнем с первых. На севере Одесской области необходимо возвести горы. Можно полуторатысячники. Горную гряду. Выгод — масса. Во-первых, климат изменится на субтропический, и мы станем в этом плане похожими на южный берег Крыма. Холодные северные ветры останутся там же — на севере. Во-вторых, наряду с морским мы получим горнолыжный курорт, что в разы увеличит приток в городскую казну.

А вот вторая часть плана кардинального улучшения жизни одесситов — политическая. Итак, необходимо создать Одесскую Независимую Республику, с севера ограниченной вновь сооруженными горами, а на юге — Дунаем. После этого на временной основе пригласить к управлению Республикой по очереди четыре страны, граждане которых внесли наибольший вклад в развитие и процветание Одессы: Греции, Италии, Франции и Израиля. Каждая страна обязана выплачивать одесситам сумму аренды плюс выполнить инвестиционные обязательства по развитию бизнеса, инфраструктуры и т. д. Через каждые десять лет страны меняются. Ну, а через сорок лет мы уже решим, что нам делать дальше.

У нас в Одессе в последнее время модно устанавливать памятники. Прекрасный памятник Бабелю, похуже — Высоцкому. Теперь вот говорят о памятнике Ойстраху на Театральной площади, рядом с Оперным. Фотографии бронзового Ойстраха, сделанные в мастерской, рожают смутные догадки о том, что он будет даже хуже памятника Высоцкому. Кич. А раз кич, то нужно возвести его в культ. Предлагаю отлить новый памятник — высотой с сам Оперный. Вот это будет да. Это будет настоящая достопримечатель-

ность. Музыкальный Кинг-Конг. Каждый ребенок будет знать, кто такой Ойстрах.

Я, конечно, могу ошибаться — всё произойдет, когда памятник окажется на площади.

Но вообще писал все это я для затравки. Преамбула, вводная часть... Затравить хотел читателя, в общем.

На самом деле у меня есть свой проект чисто одесского памятника. Это должен быть памятник пальцу. Будет ли он средним — решать общественности. Это не суть важно. Важно, чтобы вокруг него обводили туристов. И потом дома они будут радостно рассказывать о том, что в Одессе их обвели вокруг пальца.

Установить его лучше всего в Горсаду, не подальше от памятника стулу. Напротив "Кларабары" — там даже площадочка есть.

Такое вот предложение.

Придумал лозунг для заведений Саввы Либкина: "Любимый город может есть спокойно".

А вот ещё одно "ресторанное" предложение. Для самого одесского из нынешних ресторанов — для "Кларабары". Нужно ввести в меню блюдо под названием "Что-то с чем-то". Блюдо-джокер, когда посетитель не знает, что именно ему принесут. Каждую неделю оно может меняться, самое главное — оно должно быть ОЧЕНЬ вкусным. Чтобы потом, приехав домой и рассказывая о том, чем его кормили в Одессе, любой гость нашего города мог сказать: "О, это было что-то с чем-то!"

Внезапно понял, что рядом с поселком Солиновым под Одессой нужно построить еще один поселок — Каберне.

И напоследок — пора уже нашему посёлку Котовского присвоить имя кого-то более приличного. Ну хотя бы Япончика.

Не всегда ваш — Евгений Деменок.

Яблоки со скидкой

— Внимание, акция! Перед Шаббатом — яблоки со скидкой! — разносился по раю усиленный мегафоном голос змея.

— А попробовать можно? — спросила Ева.

— Разумеется! — ответил змей.

Из надкушенного яблока медленно выполз червячок. "Червячок сомнения", — подумал Адам.

— Вот видите — экологически чистое, — радостно сказал змей. — Берите, недорого! И они взяли.

"Затерявшиеся в алфавите"

Пьеса-триллер в 4 частях

Часть первая

Буква А: А-а-а!..
Буква Б: Б...!
Буква Г: Гы-гы-гы!

Часть вторая

Буква Д: Д-д-д-д-д..
Буква Ж: Ж...!
Буква М: Ммм...

Часть третья

Буква О: О-о!
Буква У: У-у-у!
Буква Ш: Шшшш...

Часть четвертая

Буква Э: Э-э-э!..
Буква Ю: Ю?
Буква Я: Я!

Тюль.

Анекдот по поводу

Мы — Сережа Олех, Рома Стебельце и я — на майские сидели в Аркадии, попивали пиво и размышляли: чем бы заняться, пока праздники не закончились? После четвертого бокала мы начали считать, когда же праздники закончатся, и пришли к выводу, что НИКОГДА.

Каждый день весь мир отмечает большое количество праздников. А праздник — это, в первую очередь, повод собраться и весело провести время. Ну а в Одессе к каждому поводу всегда могут найти подходящий хороший анекдот!..

Тем более что Сергей Олех знает очень много анекдотов, запасы в голове неисчерпаемы. Он две Юморины подряд вел чемпионат по анекдотам. К тому же он хороший рассказчик и любит это делать. У Ромы есть видеокамера. А у меня ничего нет, я ничего не умею, но какой же повод без третьего?..

Вот так и работаем: пока я пишу эту заметку, Рома снимает, а Сергей вспоминает "Анекдот по поводу"...

Дмитрий ШПИНАРЕВ.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067 48 03 705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Марзалиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org.